

Б Р О М

ПОТЕРЯННЫЕ
БОГИ

Темные фантазии Джеральда Брома

Бром

Потерянные боги

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Бром

Потерянные боги / Бром — «Издательство АСТ»,
2016 — (Темные фантазии Джеральда Брома)

ISBN 978-5-17-104808-2

Только что вышедший из тюрьмы Чет Моран стремится к новой жизни. Со своей беременной женой Триш он покидает город, чтобы начать все сначала. Но древнее зло не спит, и то, что казалось надежной гаванью, может оказаться чем-то совершенно иным... Пойманный в ловушку неведомым древним ужасом и зверски убитый, Чет быстро понимает, что боль, страдания и смерть – отнюдь не привилегия живых. И что еще хуже, теперь жизни и сами души его жены и нерожденного ребенка тоже висят на волоске. Чтобы спасти их, он должен отправиться в глубины Чистилища и найти священный ключ, способный восстановить естественное равновесие жизни и смерти. Одиноким, растерянным и проклятым, Чет собирается с духом и шагает навстречу невообразимым ужасам в темную пучину смерти. Заброшенный в царство безумия и хаоса, где древние боги сражаются за мертвецов с демонами, а души плетут заговоры, надеясь свергнуть своих господ, он ведет опасную игру, чтобы спасти свою семью. Ведь проигрыш сулит ему вечное проклятие.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-104808-2

© Бром, 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Остров Моран, Южная Каролина,	7
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	41
Часть вторая	45
Глава 8	46
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	53
Глава 12	63
Глава 13	67
Глава 14	70
Глава 15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Бром

Потерянные боги

Фантастический роман

Brom
Lost Gods

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Публикуется с разрешения издательства Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers L.L.C. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2016 by Gerald Brom

© Е.И. Ильина, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

Остров Моран, Южная Каролина, август 1976 г

Кролик протиснулся под железной изгородью и очутился на маленьком кладбище. Пробравшись сквозь переплетение корней и побегов, заполонивших пространство между покосившимися надгробными плитами, он обнаружил полоску сорной травы и принялся ее щипать.

Мальчик – то ли тень, то ли нет – безмолвно поднялся с травы и уселся рядом с кроликом на одну из плит. Мальчика звали Джошуа, и, если бы вам довелось увидеть его в правильное время в правильном свете, вы заметили бы, что он еще совсем мал, лет шести или семи, худенький, босоногий, в потрепанной одежде.

– Как поживаете, мистер Кролик?

Кролик дернул ушами.

– Рад вас снова видеть. Вкусная травка?

Джошуа бросил взгляд вниз на склон холма, туда, где виднелось болото. Уловил отблеск воды сквозь ветви могучих дубов, там, у топи.

– Должно быть, прилив. Эх, хотелось бы мне пройтись туда, вниз. Что угодно отдал бы, чтобы почувствовать ил между пальцами ног, хотя бы разок.

Мальчик смотрел, как теплый бриз колышет пряди испанского мха; последние лучи солнца зажгли облака, знаменуя конец долгого летнего дня.

– Красотища.

Кролик поднял морду, пошевелил носом.

Мальчик улыбнулся, затем его лицо омрачилось. Он потряс головой.

– Иногда получается забыть, понимаешь. Всего на секунду. Что ты мертв. Выдается такой прекрасный денек... – Голос у него стал печальным. – Уж казалось бы, столько прошло лет, а я опять попался. Но как увидишь эти облака, услышишь, как птицы щебечут, и думаешь – можно просто взять и побежать домой, увидеть маму... брата старшего... – Тут он надолго умолк, разглядывая свои руки, кожу, которая когда-то была цвета чернозема, а теперь стала бледной и прозрачной, словно туман. – Вот только никогда мне не уйти от этих разбитых камней. – Он хлопнул ладонью о плиту; та не издала ни звука. – Но, знаешь, что самое плохое? То, что ты совсем один.

Джошуа потянулся к кролику; его рука зависла над самой спинкой. Он знал, что ему не дано прикоснуться к живому, но эта шерстка – она была такой мягкой, теплой и уютной на вид. Его рука прошла прямо сквозь зверька, а кролик продолжал, как ни в чем не бывало, жевать. Только носом дернул.

У мальчика задрожали губы, глаза обожгли слезы. Он сердито утер щеку.

– Ну, хватит, хватит. Что толку реветь-то? Это мне тоже пора бы уже запомнить.

Кролик перепрыгнул поближе к мальчику и принялся за жирный одуванчик. Джошуа слабо улыбнулся.

– Спасибо, что зашли проведать, мистер Кролик. Я ценю приятное общество.

Из дубовой рощи долетел низкий стон. Насекомые замолкли, а мальчик с кроликом замерли на месте, широко распахнув глаза, глядя в гущу теней. Стон раздался опять, ближе. Звук был исполнен боли, будто маленький зверек попался в силки. Кролик, подергивая носом, привстал на задних лапках.

– *Не высовывайся*, – прошептал ему мальчик, – *и все будет в порядке. Здесь им до тебя не добраться.*

Из высокой травы поднялась фигура. Она просто стояла по другую сторону изгороди – черный клубящийся дымный силуэт ребенка, то гуще, то жиже. Желтые глаза сверкали, будто тонушие светлячки.

Джошуа скорчился было за камнем, готовясь зажать глаза и уши, как он делал всегда, когда появлялись *они*, но тут увидел, что кролик мелко дрожит – вот-вот бросится прочь.

– *Все хорошо*, – прошептал мальчик, толкая мысль перед собой, наполняя ее усилием воли. Иногда – очень редко, если стараться изо всех сил, – он знал это, – мертвый мог дотянуться до живого. – *Сиди тихо, и все будет в порядке.*

Появился еще один из *них*; его глаза, похожие на дырочки от булавки, были устремлены на кролика.

Дыхание кролика участилось.

Там, среди деревьев, были еще *они*. Роща словно наполнилась светлячками, но Джошуа знал, что это не так. Он знал, что *они* такое, знал, чего *им* надо.

Оно заговорило. То, что было ближе к изгороди. Голос был мягкий и приятный, почти мелодичный.

– Выходи поиграть, Джошуа. Выходи к на-а-ам.

Джошуа старался не слушать, не смотреть. Он сосредоточился на кролике, посылая ему успокоительные мысли.

То, что пониже, наклонилось, разглядывая кролика. Тьма позади мерцающих глаз сгустилась в черный, зияющий водоворот, и слышно стало, как завывает ветер, откуда-то снизу, будто из-под земли. Звук становился все ближе, все выше, постепенно переходил в шипение.

Задние лапки у кролика вздрогнули; он готов был сорваться с места.

– Нет, кроличек, – сказал Джошуа и склонился над кроликом, накрывая его собственным телом, обворачивая себя вокруг него.

Шипение переросло в сверлящий, пронзительный свист, ближе, еще ближе, потом стало воплем, многими воплями, криками агонизирующих детей. Вопль вырвался из того места, где у *него* был рот, вместе с порывом горячего ветра.

Кролик рванул с места; тело Джошуа, сотканное из теней, не стало для него преградой.

– *Нет!* – вскричал Джошуа. Кролик уже продирался сквозь заросли между надгробий дикими рывками. Казалось, ему точно удастся спастись, но Джошуа знал, что это не так. Зверек выскочил с дальней стороны кладбища, и в ту же секунду, как он оказался за изгородью, фигура, та, что пониже, оказалась рядом с ним. Она схватила кролика за уши, держала брыкающееся животное на весу.

– Выходи играть, Джошуа, – подначивала фигура, – и мы отпустим твоего кролика. Давай, выходи, тут полно ребят и девчонок, и все хотят с тобой поиграть.

Мальчик отступил к надгробью, скорчился, спрятав лицо в коленях.

– Джошуа, – позвала его фигура повыше, – а мы знаем один секрет. Хочешь узнать?

Он старался не слушать.

– Чет скоро приедет домой. Ты ведь знаешь, кто такой Чет?

Джошуа знал.

– Чет теперь – будущий папа, – сказала фигура. – Ожидание окончено. Скоро он будет здесь, и нам не терпится содрать с него кожу. Выйдешь – разрешим тебе помочь. Что скажешь?

Джошуа молчал.

– У них на руках – твоя кровь, – теперь голос звучал злобно, издевательски. – Ты же знаешь, за ними должок. Перед тобой. Перед всеми нами. Ты можешь помочь нам послать его туда, где горят. Затащить его вниз, под землю, и пусть попляшет для Горящего человека.

Вцепившись пальцами в локти, Джошуа потряс головой.

Та фигура, что пониже, сделала шаг к изгороди, так близко, насколько могла, не касаясь при этом железа. Открыла рот, и вновь Джошуа услышал далекий вой ветра, полные муки детские крики. Голова у фигуры откинулась назад, как капюшон, и зияющий водоворот стал шире. *Оно* подняло кролика над отверстием.

Джошуа прикусил губу, стиснув ладонями уши.

Кролик отчаянно брыкался и царапался, а потом начал кричать. Сначала Джошуа даже не понял, что это за звуки, он и не знал, что кролики могут кричать. Почти как человек. Фигура уронила кролика в зияющую дыру, и крики начали удаляться, будто неслись к центру Земли. Дыра, по-прежнему вращаясь, затянулась, и наступила тишина. Ни одно живое существо не подавало голоса – ни лягушка, ни насекомое.

Обе фигуры просто стояли, уставившись на Джошуа своими сверкающими глазами. Наконец, после кошмарной паузы, та, что пониже, поддела локтем ту, что повыше.

– Ну и скуотища. Пошли отсюда.

Они двинулись прочь вверх по склону, к большому дому на вершине холма.

– Мы будем ждать Чета, – крикнула через плечо фигура побольше. – Последний шанс присоединиться.

Джошуа дождался, пока они не скроются из вида, потом перелез через изгородь. Он искал кролика. Его смятое тельце лежало в траве – выпученные остановившиеся глаза, губы раздвинуты, обнажая зубы, все до единого.

Рухнув на колени, Джошуа спрятал лицо в ладонях и зарыдал.

Часть первая Смерть Чета Морана

Глава 1

Джаспер, Алабама, август 1976 г

Чет Моран погасил фары и задом сдал на извилистую подъездную дорожку, ведущую к дому судьи Уилсона. Ровно настолько, чтобы его «Форд Пинто» не был виден с дороги. Стоило заранее развернуть машину к выезду, на улицу: можно будет быстро убраться, если дело до этого дойдет.

Он заглушил двигатель, вылез из машины и аккуратно притворил дверцу. Постоял немного в предзвездных сумерках, разглядывая «Пинто».

– Что за кусок дерьма? – сказал он, но все же с улыбкой, потому что сделка была выгодной. Дэнну страшно хотелось заполучить его «Мустанг», достаточно, чтобы заплатить хорошую – лучше, чем хорошую – цену. И все же Чет будет не хватать этой тачки с двигателем 302 кубических дюйма, которую он собственноручно восстанавливал пять лет, практически с нуля. Но машина была теперь в прошлом – как и многое другое. Порывшись в кармане, он выудил тоненькое золотое обручальное кольцо. Без бриллианта, но это было *настоящее* золото. Чет смахнул с глаз темно-рыжую прядь – глаза у него были серые, настолько бледного оттенка, что казались серебряными – и посмотрел вверх, на длинную подъездную дорожку, ведущую к дому судьи. Он надеялся, кольцо сможет помочь убедить Триш в том, что он теперь – новый человек.

Чет потянулся всем своим худощавым телом и потер шею, пытаясь избавиться от напряжения, набраться храбрости и пойти вверх по этой дороге. В свои двадцать четыре года он только что закончил отбывать срок за хранение с целью распространения. Триш не навестила его ни разу.

Он сделал несколько шагов по дорожке, остановился, опять двинулся вперед и опять остановился. Вдохнул. Письмо от Триш пришло, когда он был в тюрьме уже три месяца. Оно было кратким и по существу: «Дорогой Чет, я беременна. Собираюсь оставить ребенка. На тебе ответственности никакой нет. Я всегда буду любить тебя, но пытаться верить в тебя я больше не могу. С любовью, Триш». Записку он все время держал у себя в кармане, постоянно перечитывая, но ему до сих пор не было понятно, что именно она имела в виду, когда писала, что на нем нет «никакой ответственности». Он писал ей раз десять, по меньшей мере, но ответа так и не получил.

Сначала он злился, в конце концов, это и его ребенок тоже. Но семь месяцев – достаточный срок, чтобы человек успел как следует подумать, посмотреть на вещи с другой стороны. Сколько раз он успел облажаться? *Слишком много*. Не те качества, которые женщина, мечтающая о семье, станет искать в мужчине. У него скоро будет ребенок, малыш, мальчик или девочка. Мир там, снаружи, жесток. И Чета нещадно грызла мысль о том, что его ребенку придется расти без отца. Он вышел из тюрьмы новым человеком, и, если продажа его обожаемого «Мустанга» еще ничего не доказывала, то многое доказывал тот факт, что он шел сейчас вверх по этой дорожке.

Чет набрал полную грудь бодрящего утреннего воздуха и как раз в тот момент, когда солнце тронуло небо первыми лучами, он вновь пустился по дорожке широким шагом. Мокрые сосновые иглы пружинили под ногами, заглушая шаги. Впереди из полумрака выступило обширное ранчо, сложенное из кирпича, все увитое плющом. Чет осторожно обогнул здание со стороны гаража и уперся в забор из проволочной сетки высотой ему по грудь. Его встретило низкое рычание.

– Спокойно, Руфус, – прошептал Чет и, наклонившись, протянул старому бассет-хаунду руку, чтобы тот мог ее понюхать. Бассет одарил его скорбным взглядом и помотал хвостом. Чет отодвинул щеколду и проскользнул на задний двор. Он присел на корточки и принялся гладить пса, тереть за уши, трепать за брыли.

– Слышал я, судья Уилсон выпустил специально против меня запретительный ордер. Я не должен приближаться к этому дому. Ты что-нибудь слышал об этом?

Глаза Руфуса явно говорили: «Не-а, не я, ничего подобного».

– Это, наверное, раз плюнуть, если ты – судья. А?

Чет поднялся и двинулся дальше, мимо мусорных баков и большого гриля, через клумбы миссис Уилсон, следя за тем, чтобы не потоптать ее призовые герани. Он прокрался по задней веранде к окнам на дальней стороне дома.

Осторожно заглянул в окно. Оно было открыто; легкий ветерок шевелил тюлевые занавески. Сквозь противомоскитную сетку он различил в свете ночника очертания женской фигуры. Она лежала на боку, спиной к нему. Пульс у него зачастил, он повернулся было, чтобы уйти, но тут услышал голос бабушки – скорее чувство, чем слова, – который говорил ему остаться. Он не удивился; он часто слышал ее, хотя жила она за сотни миль отсюда. Именно ее незримое присутствие помогло ему пережить все эти бесконечные ночи, когда, бывало, казалось, что стены камеры валятся ему на голову.

– *Триш*, – прошептал он.

Она пошевелилась и перекатилась на другой бок, повыше натянув на себя простыню. Только теперь, увидев ее лицо, он вдруг понял, как же сильно он соскучился по ней – по ее ленивой улыбке, по дурацким смешкам – у него даже слезы на глаза навернулись.

– *Триш*, – шепнул он опять, немного громче.

Она нахмурилась, чуть приоткрыла свои ярко-зеленые глаза.

– *Триш*.

Она приподняла голову, смахнула с лица длинные вьющиеся пряди. Глаза широко распахнулись, она ахнула. Сейчас закричит, это было ясно. Но тут страх на ее лице сменился замешательством, и – вот оно! – улыбкой. Какую-то секунду Чет был уверен, что все будет так, как он задумал. Улыбка Триш медленно потускнела.

– *Чет?* – Она села, легким движением придвинулась к окну. – О, черт. Какого хрена ты здесь делаешь?

У Чета было такое ощущение, будто его лягнули в грудь.

Она покосилась назад, в сторону двери.

– Если папа узнает, что ты здесь, он тебя застрелит.

Чет пожал плечами.

– Нет, он *правда* тебя застрелит. Уж ты-то должен понимать.

Он понимал. Он знал, что судья Уилсон и правда его застрелит, потому что сказал ему это лично, глаза в глаза – если он когда-нибудь подойдет к его дочери, то закончит на дне трясины Спайси. И Чет знал, что судье это сойдет с рук, потому что в графстве Уолкер у судьи было полно друзей, и делать он мог практически все, что бы ни взбрело в голову.

– Ты меня слышишь? – спросила Триш, заметив, что он, не отрываясь, глядит на ее живот, круглившийся под ночной рубашкой.

– Это *взаправду*, – сказал Чет.

Она вздохнула, положив руку на живот, и грустно улыбнулась ему.

– *Взаправду*, *взаправду*. Месяц еще остался.

Раз, наверное, тысячу Чет репетировал то, что собирался сейчас сказать. Но когда настал момент, все придуманные заранее слова вдруг куда-то подевались.

– Триш, – выпалил он. – Я хочу, чтобы ты уехала со мной.

Он был уверен, что она рассмеется ему в лицо, но этого не случилось. Наоборот, ее лицо вдруг затопила глубокая, абсолютная печаль.

– Чет... *Я не могу*.

– Ты *можешь*. Машина стоит внизу, у дороги. У меня все продумано. Я...

– Чет.

– Триш, ты только послушай...

– Нет, Чет, это *ты* послушай, – резко сказала она, и он осекся. – Я не могу на тебя *положиться*. Как бы мне ни хотелось, я *не могу*.

Он хотел ответить.

– Прекрати, Чет. Просто прекрати. Ты что, правда, думаешь, что я готова сбежать в Тимбукту с человеком, который живет за счет торговли травкой? И единственное, чего он хочет добиться в жизни – починить свою старую машину? Подумай, Чет.

– Я думал над этим. Много. – Он вытащил порядком помятое письмо, то, которое она послала ему в тюрьму. – Каждый день.

Она не сводила глаз с письма.

– Я – новый человек.

Она медленно покачала головой.

– Это я уже слышала.

Он достал кольцо.

Она приоткрыла рот, но ничего не сказала.

– Я продал машину.

Она поглядела ему прямо в глаза.

– Твою *машину*? Ты *продал* «Мустанг»? Но Чет, эта машина была для тебя всем.

– Я же сказал, я новый человек. Каждый день, с тех пор как пришло твое письмо, я думал о том, кем я хочу быть... чего я хочу. Я хочу быть с *тобой*... и с моим ребенком. И я готов сделать *что угодно*, чтобы это было так.

По глазам было видно, как сильно ей хочется ему верить.

– У меня две тысячи долларов осталось после продажи машины. Нам хватит для начала, Триш. Можем поехать на побережье. Ты же всегда говорила, что тебе хочется повидать океан. Правда? Я найду работу, *настоящую* работу. Обещаю тебе. Слышал, там полно работы на траулерах. А пока не встанем на ноги, можем пожить у бабушки.

Теперь взгляд у нее стал отсутствующим, словно во сне. Ее губы сжались, и видно было, что она старается не заплакать.

– Я не говорю, что все будет идеально, но уж, наверно, лучше, чем если ты останешься здесь, с папой. Ты же знаешь – если не уйдешь от этого человека сейчас, он всю жизнь будет тебе указывать, что делать. Он задушит тебя. Триш...

– Он хочет отдать ребенка приемным родителям, – сказала она, не в силах поднять на него глаза.

– Что?

– Мама, она на его стороне. Они даже пастора Томаса уболтали. Уже все успели устроить. Какая-то симпатичная пара там, в Тускалузе.

– Отдать ребенка? – Чет не верил своим ушам. – Это... Это то, чего *ты* хочешь?

Глаза ее вспыхнули, во взгляде мелькнула боль.

– Нет, это *не то*, чего я хочу. – Она потрясла головой. – Я этого совершенно не хочу. – Она обняла живот. – Это мой ребенок. – Она утерла глаза. – Моя... детка.

Чет поддел раму с противомоскитной сеткой, отставил в сторону и, потянувшись через подоконник, сжал плечо Триш. Триш стиснула его руку в ответ с неожиданной силой, заглянула в лицо.

– Чет. Чет, посмотри на меня.

Он посмотрел.

– Поклянись. Поклянись передо мной и Господом Иисусом, что если я возьму это кольцо... Если соглашусь бежать с тобой... То с этого дня ты пойдешь по правильной дорожке. Будешь мужчиной, будешь отцом. И поступать будешь соответственно.

Глядя ей прямо в глаза, он серьезно и торжественно ответил:

– Триш, я люблю тебя и клянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы никогда, никогда больше тебя не разочаровать.

– Если ты опять налажаешь... – Ее рука сжалась сильнее. – Богом клянусь, можешь не беспокоиться, что папа тебя пристрелит. Я сделаю это сама.

Он ухмыльнулся так широко, что на глаза навернулись слезы.

– Не налажаю, малыш.

Еще одну долгую секунду она смотрела ему в глаза, а потом отпустила его руку.

– Я быстро. – Она соскользнула с кровати, на цыпочках прокралась к шкафу, мигом достала оттуда сумку и начала, торопясь, упихивать туда одежду и нижнее белье. Натянула под свою длинную футболку цыганскую юбку, сунула ноги в сандалии и подошла к окну. Передала Чет сумку, а потом он помог ей перебраться через подоконник.

– Нам надо спешить, – сказала Триш. – Папа сегодня собирался на рыбалку.

– погоди, – сказал Чет и, упав на одно колено, протянул ей руку. – Надо, чтобы все было, как полагается.

Прикусив губу, она вложила в его руку свою.

– Триш, ты выйдешь за меня замуж?

Она кивнула, и он надел кольцо ей на палец. Потом поднялся и поцеловал ее. Она обняла его так крепко, что он испугался, не навредят ли они ребенку. Потом Триш разжала руки, отступила на шаг и окинула будущего мужа взглядом.

– Только не забывай, что я могу тебя пристрелить.

Она улыбалась – у нее была самая милая улыбка из тех, что он видел в жизни.

Что-то протиснулось между ними. Руфус глядел на них, виляя хвостом. Чет погладил пса по голове, подхватил сумку. Они двинулись уже было в обход веранды, когда в доме вспыхнул свет. Они пригнулись; крупный мужчина в халате прошел через гостиную. Это был судья. Он скрылся в кухне, и Чет перевел дыхание. Они прокрались мимо крыльца и направились к калитке.

Триш потрепала Руфуса по голове.

– Веди себя тут без нас хорошо.

Руфус завилял хвостом.

«Я всегда веду себя хорошо», – сказали его глаза.

Они закрыли за собой калитку и поспешили вниз по дорожке, туда, где их ждала машина. Чет поглядывал на Триш – ему страшно нравилось, как она двигается со своим животом.

– Что?! – спросила она.

Он ухмыльнулся.

– Ты красивая.

Она заслонила от него ладонью.

– Хватит на меня пялиться, Чет. Я огромная, как тюлень, и совершенно не накрашенная.

– Ты красивый тюлень.

Она громко расхохоталась, спохватившись, зажала себе рот, схватила его за руку, стиснула. Он сжал ее руку в ответ.

– И ты так мило переваливаешься на ходу, – добавил он.

Она покачала головой.

– Да ты сегодня в ударе.

Он рассмеялся.

Тут она заметила машину и остановилась.

– Ты и *вправду* продал «Мустанг»!

– Да, – сказал он мрачно. – И *вправду* продал.

– Ну, я, конечно, рада. Но черт, Чет. Поуродливее машину найти не удалось?

Он нахмурился, а она рассмеялась – лучший на свете звук.

Они подошли к машине, он распахнул дверцу.

Она сжала его руку и приложила к животу:

– Чувствуешь?

Он ничего не почувствовал, но потом вдруг в его руку стукнуло. Раз, другой.

– Боже мой, – выдохнул он.

Глядя на него, она просияла.

– Кое-кто рад, что папа здесь.

Внизу, на дороге, замедлила ход машина. Чет обернулся и увидел, как на подъездную дорожку въезжает пикап, и вот они уже застыли в лучах фар, как мухи в янтаре.

– Вот дерьмо, – вырвалось у Чета.

Пикап затормозил так резко, что в кузове застучали, перекатываясь, удочки. Чет узнал двоих: Ларри Вагнера, своего бывшего тренера по физкультуре, и Тома Уилсона, брата судьи. Оба уставились прямо на него.

Том заглушил двигатель и выскочил из машины, сбив второпях бейсболку с лысой головы. Как и судья, он был крупным мужчиной с объемистым пузом. Одет он был во фланелевую рубашку.

– Триш?

– Надо валить, – сказала Триш Чету.

– Это что, Чет? – крикнул Том. – Вот черт, так и есть. Парень, тебе же было сказано держаться от нее подальше.

Тренер выбрался из пикапа и, пошарив в кузове, выудил домкрат. Ухмыльнувшись, он задрал подбородок, будто уже видел свое имя в газетах – храбрец спасает дочь судьи от похитителя-дегенерата, только что вернувшегося с отсидки.

– Давай, сынок, присаживайся. Потому что никуда ты отсюда не поедешь, кроме как обратно в тюрьму.

В его голосе было столько неприкрытого удовольствия, что Чет у стало понятно: дело тут не в судье и не в его дочери, а в некоем незаконченном деле между ними двоими лично. Еще в старшей школе Тренер поймал как-то Чета еще с тремя мальчишками в туалете за раскуриванием косяка. Он выстроил их в шеренгу и выдал каждому по своему фирменному двойному шлепку, который он гордо именовал «кусакой». Бил он с такой силой, что, бывало, сшибал с ног. Когда дело дошло до Чета, которому на тот момент было пятнадцать, парень заявил Тренеру, чтобы тот не заморачивался, а сразу выгнал его из школы, потому что Чет не станет глотать тычки от другого мужчины, а даст сдачи. Когда Тренер все же попытался его ударить, Чет сломал ему нос.

Чет услышал, как позади, в доме, открылась дверь гаража.

– Что у вас там происходит? – крикнул кто-то. Это был судья.

Триш скользнула в машину.

– Давай, Чет. *Поехали!*

Чет запрыгнул в машину, и Том бросился к ним навстречу, бегом.

Триш заблокировала дверцу как раз в тот момент, как он схватился за ручку снаружи. Чет всадил ключ в зажигание и запустил двигатель.

– *Триш!* – орал Том, дергая за ручку двери. – *А ну выходи!*

Чет дал по газам, и маленькая машинка рванулась вперед; Том, крича, бежал следом.

Подъездная дорожка была тесно обсажена соснами, и Чет не был уверен, удастся ли ему проскочить между пикапом и обочиной, но останавливаться он не собирался. Заметив это, Тренер шагнул вперед, заступая им дорогу. В руке он сжимал домкрат.

Чет даже не притормозил. Какая-то его часть даже надеялась, что он переедет этого человека, навсегда стерев с его лица мерзкую ухмылочку.

– *Осторожно!* – крикнула Триш.

Раздался треск – это домкрат ударил в лобовое стекло. Потом – глухой удар.

Триш закричала, но Чет не стал тормозить; он впритирку пронесся мимо пикапа, пожертвовав только боковым зеркалом.

Чет глянул в зеркало заднего вида. Тренера было не видать.

– Твою мать! Я его сбил?

Триш обернулась.

– Не знаю. Мне кажется, нет.

Визжа шинами, Чет вырулил на шоссе, втопил по газам, и маленький «Пинто» стрелой помчался вдаль.

Глава 2

Остров Моран, Южная Каролина

Песчаный проселок вывел их к деревянному выдавшему виду мосту. Чет остановил машину, удивляясь про себя, как этот рыдван выдержал дорогу. Вскоре после того, как выехали из Джаспера, они бросили «Пинто», сменив его на старый универсал, который Чет приметил позади какой-то церквушки. Чтобы завести его, Чет всадил в зажигание отвертку, и минуту спустя они уже были в дороге. Почти без остановок они проехали Джорджию и Южную Каролину, добравшись, наконец, до побережья. Чет был уверен, что судья поднял на ноги весь штат, но они избегали больших дорог, а те немногие полицейские, что встретились им по пути, не обратили на старенький универсал никакого внимания. Наконец, пару раз ошибившись поворотом и выбравшись из нескольких тупиков, они попали сюда, к старому мосту.

Чет позволил себе просто посидеть секунду, чувствуя на лице мягкий свет предвечернего солнца, льющийся через лобовое стекло. Он смотрел, как ветерок играет болотной травой и прядями испанского мха, свисающего с деревьев. Он впустил в себя запах детства – запах земли и соленого ила.

– Мы добрались? – спросила Триш.

Дом с этого места виден не был – деревья мешали, – но Чет знал, что они приехали, куда надо. Зов бабушки, ее голос, вел его, как маяк: он звучал почти как песня, набирая силу по мере того, как расстояние между ними сокращалось. Он кивнул.

– Да, Остров Моран.

Он и забыл, насколько далеко это место было от шоссе, да и от всего остального. Последнее жилье им встретилось пару миль назад – лачуги, крытые жостью.

– Думаю, ты прав, – сказала Триш.

– Как это?

– Здесь нас точно никто не найдет.

– Никто и не должен. Никто не знает об этом месте, уж точно не в Алабаме. Больше никого не осталось.

Триш указала на три небольших соломенных чучела, прикрученных к перилам моста.

– Не хочешь сказать мне, что это такое?

Чучела были сделаны из палок, костей и испанского мха. Проволокой к ним были примотаны куриные лапки. У одного вместо головы был череп какого-то маленького животного, может быть, опоссума или кошки. На обоих концах моста пятнами застыла какая-то красноватая маслянистая субстанция.

– Я же тебе говорил, что она – ведьма.

– То есть она *действительно* ведьма?

Чет пожал плечами.

– Так говорила тетя Абигаиль. Поэтому-то они никогда не разрешали мне сюда приезжать. Естественно, слушать «Зеппелинов» или «Роллингов» мне тоже было нельзя. В своем доме она эту *дьявольскую* музыку терпеть не собиралась. – Чет усмехнулся. – Сумасшествие – это у нас семейное, причем, похоже, с обеих сторон.

– Так когда ты видел ее в последний раз?

– Бабушку?

– Угу.

– Когда мама умерла, мы ее здесь похоронили, думаю, мне было лет семь. Это был единственный раз, как я видел мою бабушку. Но, скажу я тебе, впечатление она произвела. Как и это место. Понимаешь, до самого нутра пробрало. Всегда хотел вернуться сюда... Жить с ней. Но моя тетя... на самом деле она мне двоюродная бабка, сестра деда... Опекунство досталось

ей. – Чет потряс головой. – Представляешь, я как-то даже из дома сбежал... Пытался добраться сюда.

– Что?!

– Ага, мне тогда было всего восемь или девять. Еще до того, как мы переехали в Джаспер, и уже тогда мне хотелось убраться подальше от тетушки с ее вечными проповедями. – Чет улыбнулся. – Успел двадцать миль проехать на своем детском велике, а потом меня догнал полицейский на лошади и привез обратно.

– Так ты не видел ее с тех пор, как тебе было семь?

– Нет.

– Ладно, а когда ты с ней в последний раз говорил?

Чет пожал плечами.

– Чет, она хоть *знает*, что мы едем?

«Она *знает*, – подумал он. – *Я это чувствую*». Но вслух он этого не сказал, потому что совершенно не представлял, как объяснить тот факт, что, хотя его бабушка ни разу с ним не связалась – ни письма, ни телефонного звонка, – у него было чувство, что все эти годы она была рядом.

– Думаю, что да.

– Ты думаешь, что да?

– Все будет в порядке. Увидишь.

Она опять взглянула на гротескных идолов на мосту.

– Ох, Чет... Не знаю я.

Он улыбнулся и медленно въехал на узенький мост. Внизу, футах в двадцати под ними, лениво текла широкая река. Триш подтянула ремень безопасности и поморщилась, потирая руку. Она порезалась о старую ржавую колючую проволоку, когда они перелезали через забор, чтобы угнать универсал, и вид у раны был неважный.

– Нужно хорошенько это продезинфицировать, как только будет возможность, – сказал Чет. – Не хватало только тебе столбняк заполучить или еще что.

– Давай для начала переберемся через мост, чтобы он не рухнул, а потом будем беспокоиться.

Он медленно поехал дальше, а мост скрипел под ними и ходил ходуном; доски трещали под колесами. Преодолев мост, они поехали дальше, через лес, по извилистому песчаному проселку, мимо заброшенных рисовых полей и вверх, по пологому склону холма. Когда они выехали на открытое место, Чет притормозил. Впереди, на вершине холма, стоял в окружении гигантских дубов старый, довоенный¹ еще дом. Его стены явно нуждались в покраске, но в остальном дом выглядел в точности так, как он его помнил, каким он являлся ему в сновидениях.

– Смотри, – сказала Триш, указывая на ту сторону поля. – Это здесь похоронена твоя мать?

Чет увидел несколько запущенных могил, с надгробными плитами, торчащими вразнобой из высокой травы.

– Да, это тут. Кажется, здесь похоронены все родственники со стороны отца. С тех самых пор, как они тут поселились. Где-то в конце тысяча семисотых.

Краем глаза он уловил движение – легкое перемещение теней среди деревьев, теснившихся позади кладбища.

– *Чет*, – шепот, плывущий по ветру. Сильно, как от удара, закружилась голова, и вдруг на него навалился страх, осев свинцовой тяжестью в желудке. Чет остановил машину.

– Что такое? – Триш тронула его за руку – и страх угас. – Милый, ты в порядке?

¹ Для американцев Война (с большой буквы) – это гражданская война между Севером и Югом (1861–1865).

– Да... Все хорошо. Показалось, что привидение увидел. Только и всего.

– Вид у тебя и вправду такой, будто ты увидел привидение, – сказала она с улыбкой.

Потом нахмурилась. – Ты ведь *пошутил*, да?

Чет пожал плечами.

– Может, и так. Насколько я слышал, тут много неприкаянных душ болтается. Место уж больно старое.

Она внимательно посмотрела на кладбище.

– Ну, это же будет интересно, правда? Увидеть настоящее привидение.

– Интересно, да. – Чет отпустил тормоза, и машина поехала дальше к большому дому на холме.

Припарковавшись на круговой дорожке перед домом, они выбрались из машины. Участок вокруг дома имел запущенный вид, но кусты у дорожки, ведущей к дому, явно недавно подстригали. Они уже было собирались подняться на крыльцо, но Триш вдруг остановилась.

– Посмотри, зачем бы это? – Она указывала на потрепанные, но все еще яркие шерстяные нити, которые вились между столбиков перил, пересекали лестницу. Тут и там на нитях виднелись крошечные серебряные колокольчики. Разноцветные нитки тянулись по обеим сторонам дома, исчезая за углом. – Странно все это.

Чет пожал плечами.

– В этих местах полно странностей. Еще увидишь.

Перешагнув через нитки, они направились вверх по лестнице. Распахнулась дверь. Чет различил за противомоскитной сеткой очертания фигуры.

– Здравствуй, Чет, – произнес тихий, такой знакомый голос.

– Бабушка?

Она толкнула затянутую сеткой вторую дверь и вышла на крыльцо. Выглядела она в точности такой же, какой он ее запомнил: элегантная женщина со снежно-белыми волосами, струившимися по плечам, по спине. В руке она сжимала простую черную трость, а платье на ней было очень простое, хлопковое, белого цвета. Ни драгоценностей, ни макияжа; ее лицо, губы, глаза – все было одинакового бледного тона. На правом виске выделялся круглый шрам величиной с монету. Чет вспомнил, как ребенком разглядывал этот шрам. Она сказала ему тогда, явно гордясь, что это след от пули. Сейчас она смотрела на него своими серебристо-серыми глазами, добрыми и немного грустными. И Чет угадал, что ему снова шесть, и все, что ему хочется – чтобы она обняла его, крепко-крепко. И, будто читая его мысли, она распахнула руки ему навстречу:

– Чет, добро пожаловать домой.

Он обнял ее, и его омыла волна тепла. Никогда еще ему не было так легко на душе, даже в детстве. «*Почему, – подумал он, – почему я так долго ждал?*»

Она разомкнула руки, отпустив его, и посмотрела на Триш.

– Бабушка, это Триш.

Триш подошла поближе, протягивая руку.

– Здравствуйте, миссис Моран. Рада с вами познакомиться.

– Прошу, дитя мое, зови меня просто Ламия. – В голосе старой женщины слышался едва заметный акцент.

Чет припомнил, что родом она была откуда-то из Восточной Европы – Румыния или, может быть, Венгрия. Взгляд Ламии упал на живот Триш, и ее лицо озарилось.

– Так, значит, я все-таки дожидая до того, чтобы стать прабабушкой. Иди сюда, дитя, – сказала она, взяла Триш за руку и, подтянув поближе, заключила в объятия.

Отпустив гостью, Ламия отступила на шаг, и еще раз окинула молодых людей взглядом.

– Какая радость для старухи, что вы приехали! Заходите, пожалуйста.

Она повела их внутрь, по длинному коридору, постукивая тростью – явно берегла ногу. Несмотря на хромоту, держалась она очень прямо, будто бросая вызов собственной немощи. Чет бросал взгляды в комнаты, мимо которых они проходили. Все помещения выглядели заброшенными – мебели почти не было, только торчал кое-где забытый стул или журнальный столик; обои полосами отходили от стен, а в некоторых местах штукатурка осыпалась, образовав на полу пыльные кучи.

Когда они проходили мимо ванной и туалета, Триш остановилась и по очереди взглянула на них обоих.

– Миссис Моран...

– Пожалуйста, дитя, просто Ламия.

– Ламия, – сказала Триш, явно стремясь поскорее перейти к делу. – Можно мне?..

– Ах, да, конечно!

Триш быстро исчезла за дверью.

Ламия с Четом прошли немного дальше по коридору. Чет чувствовал, что она изучающе поглядывает на него. Вопросы теснились у него на языке. Все эти годы ему столько всего хотелось спросить, но сейчас, когда она была рядом, на него напала немота.

– Давай, – сказала она. – Спрашивай.

– А?

– Я же знаю, что у тебя есть вопросы.

«Да», – подумал он. Вопросов полно. Об отце, о матери. Но больше всего ему хотелось спросить о голосе, который он слышал, или чувствовал, все эти годы.

– Ты хочешь знать, как я говорила с тобой. – Это был не вопрос.

Он поднял взгляд на бабушку.

– Так, значит, это было по-настоящему? Ты и вправду говорила со мной? Я это не вообразил?

– Часть меня всегда была с тобой, Чет. В твоём сердце... В твоей крови.

– Но ведь было что-то еще?

– Когда я говорю, что часть меня всегда была с тобой, я это и имею в виду, в прямом смысле. Моя кровь, наша кровь – вещь особая и редкая. Это то, что нас связывает.

Он не был уверен, что понимает, о чем она говорит.

– Ну... Это довольно странно, да?

Она улыбнулась ему.

– Можно рассматривать это как дар. Как ты думаешь?

– Думаю, бывали ситуации, ну, плохие... и если бы тебя со мною не было, мне кажется, я не сумел бы выбраться.

Она улыбнулась.

– Сердце радуется, когда такое слышишь. – Тут ее улыбка потускнела. – Единственное, о чем я жалею, – что мне не удалось связаться с твоей матерью. Бедняжка Синтия. Ей я тоже была нужна. Но они забрали ее у меня. Чет, хочу, чтобы ты знал, – я постоянно пыталась с ней связаться, но она, кажется, так меня и не услышала... Или, может, не хотела услышать. Все, что я знаю – этот дар, который у нас есть, он иногда позволяет слышать другие голоса – темные голоса. И мне кажется, твоя мать слышала их. Мне кажется, именно они и довели ее до безумия... до самоубийства, – и совсем тихо она прибавила: – Я чувствовала себя такой беспомощной.

В ее серебристых глазах засверкали слезы.

– Мне так жаль, Чет... Прости, что я не смогла сделать больше.

Чету хотелось сказать что-то утешительное, но правильные слова как-то не шли в голову.

Триш вышла из ванной с облегченным видом. Увидела их лица.

– Ой, простите. Не хотела вас прерывать. Может, мне пока немного пройтись?

– Чепуха, – сказала Ламия, утирая глаза. – Просто я – sentimentalная старая женщина. Скажи-ка мне, Триш, ты не прочь немного перекусить?

– Да, с удовольствием, мэм, – ответила Триш.

Ламия провела их на кухню, наполненную ароматом свежеспеченного хлеба. В уютном уголке стоял обеденный стол; оттуда через высокое окно-эркер открывался вид на болота. Стол был накрыт на троих: тарелки, бокалы, столовое серебро. В центре стола, на доске, рядом с кувшином лимонада и корзинкой, накрытой хлопковым полотенцем, алела горка свежих спелых помидоров.

– Так вы нас *ждали*? – спросила Триш.

– Ждала.

Триш бросила Чет укоризненный взгляд.

Ламия сняла с корзины полотенце; там лежала буханка домашнего хлеба. Жестом она пригласила их к столу. Взяла в руки кувшин с лимонадом.

– Попробуйте, и скажите мне, что вы об этом думаете. – Она налила каждому по бокалу.

Чет сделал большой глоток.

– Ух ты, это *очень* вкусно. – Он осушил бокал.

Ламия, просяив, налила ему еще.

– Эти лимоны я выращиваю у себя в солярии. Лучшие лимоны, какие только можно найти здесь, на побережье. – Она нарезала хлеб, потом помидоры, соорудив каждому по бутерброду. – А теперь попробуйте-ка это.

Оба откусили по куску.

– Ой, вкусотища! – сказала Триш, и Чет заулыбался. Помидоры были такими нежными, что прямо таяли во рту, и сок бежал по подбородку.

Рассмеявшись, Ламия вытянула из подставки салфетку и вручила Чет.

– А теперь скажите, вы когда-нибудь пробовали такие сладкие помидоры?

– Нет, мэм, – ответил Чет, утирая рот. Он доел бутерброд и попросил еще один. Пока они ели, Ламия рассказывала им про свой сад.

– Так приятно, когда за столом не одна. – Она помолчала. – Так, может, вы останетесь подольше? Да? Порадуете старушку.

Чет бросил взгляд на Триш и сделал глубокий вдох.

– На самом деле мы очень надеялись, что ты будешь нам рада. Потому что нам очень нужно место, где можно пожить. Совсем недолго. Пока я не найду работу и все не наладится. Но сначала я хотел тебе кое-что рассказать...

– У вас неприятности. Это я и так знаю.

– Да, мэм. Но...

– Насколько это серьезно?

– Я и сам точно не знаю.

Он рассказал бабушке, как они сбежали от судьбы. Он не собирался вываливать ей все, но, начав, уже не мог остановиться. Не утаил ничего: рассказал и про них с Триш, и про кое-какие свои поступки, и про время, проведенное в тюрьме, и, наконец, про то, как они решили сбежать. Отвел взгляд.

– Эту машину я украл. Ну, мне хотелось бы думать, что я поменял ее на свой «Пинто» – оставил им ключи и вежливую записку. Но не думаю, что закон отнесется к этому так же. Но это еще не самое плохое... Нам пришлось прорываться этим утром... – Ему трудно было подобрать слова. – Мне кажется, я сбил человека.

Ламия кивнула.

– Мне ужасно жаль.

– Годами, – сказал Чет, – я мечтал об Острове Моран. Видел его во сне. Это место и ты – все это каким-то образом стало частью меня. Тетя Абигаиль делала все, чтобы похоронить мое

прошлое, похоронить всякую связь с Южной Каролиной. Об Острове Моран она говорила не иначе, как шепотом, так что я практически уверен – никто там, в Алабаме, и понятия не имеет ни о тебе, ни об этом месте. Вот почему мне показалось, что приехать сюда – хорошая идея. Но то, что я сбил этого парня... Думаю, это многое меняет. Папа Триш, он судья, большая шишка там, в Джаспере, и связей у него полно. Зная его, думаю, он этого просто так не оставит. То есть я пытаюсь сказать, что, если он найдет нас здесь, это может означать неприятности и для тебя тоже. Так что я – мы – пойдем, если... То есть...

Ламия сжала его руку.

– Чет, ты помнишь, что я сказала тебе тогда, давно?

Чет покачал было головой, но тут воспоминание всплыло у него в голове – такое отчетливое, будто это случилось вчера. На похоронах матери он потихоньку сбежал от тетки и спрятался за насосной будкой, чтобы поплакать. Ламия нашла его там, утерла ему слезы. Потом повела к пруду, где они принялись ловить лягушек и оба страшно извозились в иле, и как же они хохотали над этим, чувствуя себя ужасными хулиганами. И было что-то еще... кровь, да, была кровь. Он и забыл об этом. «Мы с тобой одной крови», – сказала она и шипом проткнула себе кончик пальца. Она коснулась пальцем тыльной стороны его ладони, оставив два пятнышка. И что там она говорила при этом? «Вернись домой, вернись ко мне, вернись к своей крови». Тут он вдруг понял, что говорит вслух.

– Вот тебе и ответ, – сказала Ламия. – Мы одной крови. Это – твой дом, а неприятностей я не боюсь. И... старому человеку приятно, когда рядом – родные люди.

Чет испытал прилив облегчения и, глянув на Триш, увидел, что она чувствует то же самое.

– Порядок? – спросила Ламия.

– Порядок, – ответил Чет.

– Хорошо. Значит, все у нас решено, – сказала Ламия, закрывая тему, и улыбнулась. – А теперь кому еще лимонада?

– Я налью, – сказала Триш, поднимаясь и берясь за ручку кувшина. Но вдруг поморщилась и отдернула руку.

Ламия сощурилась.

– Что, ребенок?

– Ой, нет, – сказала Триш. – Это всего лишь рука. – Она показала Ламии порез. – Все не так плохо, как оно выглядит. Просто надо это продезинфицировать. У вас, случайно, йода нет?

Ламия возмущенно фыркнула.

– Не нужен тебе этот яд. Чет, подойди-ка туда, видишь, на шкафу черную шкатулку, на морозильнике? Дай-ка ее мне.

Чет вскочил с места и достал шкатулку: размером она была с коробку для обуви и сделана из черного жженого дерева. Чет поставил шкатулку на стол.

Ламия откинула крышку; внутри были маленькие бутылочки, жестяные коробочки, связки трав и коренья, завернутые в листья. Изнутри крышки был прикреплен маленький бронзовый нож с изображением змеи на рукоятке. Нож выглядел очень древним: лезвие было неровным, изъеденным пятнами патины. Она вытащила одну бутылочку и, сощурившись, принялась разглядывать на свет ее мутное содержимое. Проворчала что-то себе под нос, положила бутылочку на место и вытащила другую.

– А, вот оно! – Вытащив зубами пробку, она вытряхнула себе на палец черную вязкую каплю.

Запах заполнил комнату, и Триш наморщила нос.

– Именно по этому и можно сказать, что оно работает, – гордо сказала Ламия и собиралась уже было втереть жидкость в порез.

Триш отдернула руку.

– Погодите. *Что* это?

Ламия взглянула на черную каплю у себя на пальце.

– Что, *это*? Да это же кровяной мед, дитя. Ну, в общем и целом, кровяной мед. Понимаешь, семя дикого кабана мне достать не удалось, пришлось довольствоваться домашними животными. Но оно работает. Вообще-то, как мне кажется, оно работает даже лучше.

Она взглянула в лицо Триш, которое было полно ужаса.

– А, так ты никогда не пользовалась кровяным медом?

Триш потрясла головой.

– Столько старых умений потеряно. Ну, ты сейчас сама увидишь. Это сильное зелье. Оно не пачкает кровь, как те яды, что продают в аптеках.

Триш поморщилась и бросила на Чета беспомощный взгляд.

Поверх мази Ламия положила сухой лист, который достала из той же шкатулки, а потом начертила на листе знак, полукруг с пересекающей его чертой. Закрыла глаза и прошептала какие-то слова, – на своем родном языке, предположил Чет – потом повторила их несколько раз, нараспев. Поцеловав пальцы, она начертила в воздухе над раной знак, заслужив еще один недоуменный взгляд со стороны Триш.

– Ну вот, – сказала она, открыв глаза.

Триш во все глаза смотрела на свою ладонь.

– А что вы сейчас произнесли? Заклинание?

– Да. Заклинание, чтобы темные держались подальше. Они входят в тело через открытые раны.

– Так, значит, вы и вправду занимаетесь... э-э-э... – Триш осеклась.

– Ведьмовством? – подсказала Ламия.

Триш, покраснев, кивнула.

– И чего это тебе там Чет наболтал? – Ламия неодобрительно взглянула на внука.

Чет, сдаваясь, поднял руки.

– Ой, только не надо смотреть на меня так, – сказал он, смеясь. – Это все тетя Абигайль.

Никак не могла наговориться о том, какая ты злобная ведьма.

Ламия рассмеялась.

– Уж кому знать, как не тете Абигайль. Да?

Триш явно смутилась.

– Я совсем не хотела вас обидеть.

– Прекрати, девочка. Ты вовсе меня не обидела. Я горжусь тем, что лечу людей. Колдовство, ведьмовство, как ты это ни называй. Это искусство, ремесло. Исчезающее ремесло. Но пусть мои странности тебя не пугают. Я – не злая ведьма, не как та, из страны Оз.

Триш заулыбалась.

– Ладно, я сама напросилась. – Она глянула на руку. – Ой, оно щиплет. – Но тут лоб у нее разгладился. – Вообще-то, стало лучше.

– Триш, если ты не против, расскажи, как у тебя проходит беременность?

– В основном неплохо... Наверное.

– Наверное?

Триш закусил губу.

– Ну... В последнее время у меня бывает небольшое кровотечение... Время от времени. Доктора, похоже, они не очень беспокоили. Но он сказал мне дать ему знать, если оно станет хуже.

– И оно стало?

– Нет.

– В кровотечении нет ничего необычного, даже на последних месяцах беременности, – сказала Ламия. – Оно может означать самые разные вещи. Триш, у меня на родине, моя мать,

и ее мать, и до нее – ее мать, они все были целительницами, акушерками. И они передали свои умения мне. Умение проверить твое здоровье, здоровье ребенка. Если хочешь, я могу попробовать маленькое заклинание... Посмотреть тебя и ребенка.

– *Заклинание?* – опасливо повторила Триш.

– Не тревожься. Никаких зелий я тебя пить не заставлю. Мне просто нужна будет капелька твоей крови. Гораздо меньше, чем взяли бы у тебя в больнице для этих их дурацких анализов.

– Ну... может быть, – ответила Триш безо всякой уверенности.

Ламия улыбнулась.

– Вот и хорошо. – Она расправила связку сухих листьев, положила один себе на тарелку, а потом открыла маленькую жестяную коробочку и посыпала лист каким-то серым порошком. Взяла в руки нож. – Давай руку.

Триш покосилась на Чета.

– На меня не смотри, – сказал он.

Она вздохнула и вложила свою руку в руку Ламии.

Ламия прикоснулась кончиком лезвия к пальцу Триш – совсем легонько. На пальце набухла капля, и Ламия выдавила ее в порошок, неотрывно наблюдая за тем, как впитывается кровь. Больше, насколько Чет было видно, ничего не произошло, кроме того, что порошок приобрел зеленоватый оттенок.

Триш взглянула на Ламию.

– Это все?

Ламия предостерегающе подняла палец, вглядываясь в пятно крови. Порошок медленно таял, испаряясь, оставляя на листьях извилистые линии. На первый взгляд они казались случайными, но, приглядевшись, Чет заметил, что в них есть какая-то симметрия, узор, будто буквы – странные, чужие буквы.

– Ух ты, – сказала Триш. – А что это значит? – Выражение лица Ламии стало серьезным, и Триш тревожно прибавила: – Что-то плохое?

Пожилая женщина наклонилась еще ниже; губы ее шевелились, будто она читала про себя. Потом на ее лице отразилось глубокое облегчение.

– О, будь благословенна, Вирд! Благословенны будьте, дева, мать и бабка! Ребенок здоров!

Чета поразила абсолютная убежденность Ламии. Реально ли было то, что сейчас происходило, или нет – без сомнения, Ламия верила в это душой и сердцем. Ее убежденность была заразительной: Триш просияла.

– Ох, как я рада это слышать.

– Да, да, у тебя внутри растет очень здоровая душа. Но это еще не все, – поддразнила ее Ламия. – Если хочешь, я могу тебе сказать, кто там прячется – девочка или мальчик.

– О?

– Да.

Триш взглянула на Чета.

Чет пожал плечами.

– Тебе решать.

Триш, прикусив губу, кивнула.

– Это девочка.

– Вы уверены?

– Да, уверена. За все эти годы не ошиблась ни разу.

Триш пискнула.

– О, Боже. О... Боже... мой. Маленькая *девочка!* – Чет заметил, что Триш больше не смотрит на его бабушку так, будто та была немного с приветом. Теперь это было самое настоящее восхищение.

– Слышал, Чет? У нас будет маленькая девочка.

– Да, до меня это вроде как дошло.

И Чет тоже в это верил. Похоже, дар Ламии проявлялся во многих областях. Его бы не удивило, окажись, что она уже каким-то образом связана с этим ребенком.

Ламия вытерла глаза; она плакала.

– Бабушка? Ты в порядке?

Она, улыбаясь, кивнула.

– Просто я так счастлива. Я была здесь... одна... так долго. А теперь у меня снова есть семья. А скоро будет еще и малышка, для пущей радости. Сколько счастья, это немного ошарашивает, только и всего.

Глава 3

Чет понимал, что это сон, но легче от этого почему-то не становилось. Он был снаружи дома, на крыльце, залитом светом луны, – кровь на досках; кровавый след, ведущий в дом. Слышно было, как плачет Триш – горько, тоскливо. Он пошел по кровавому следу внутрь дома, вверх по ступенькам, к комнате в самом конце коридора. В комнате плакал ребенок, которому было больно, очень больно. Это был его ребенок, его дочь, он знал это. Дверь была заперта. Он молотил по ней кулаками, кричал, чтобы открыли. Потом ударил в нее плечом, еще, и еще раз. Наконец, дверь распахнулась, и он упал в комнату, во тьму, и падал, падал – а вокруг него эхом отдавался детский плач.

Чет проснулся, судорожно глотая воздух. Долгую секунду он не мог сообразить, где находится. Утер со лба пот. Кошмары преследовали его с тех пор, как умерла мать, но этот был слишком похож на явь.

Он потянулся к Триш; ее не было рядом. Он сел. К его удивлению, день уже явно подходил к концу, а ведь он собирался прилечь всего на пару минут. По комнате гулял свежий ветерок. Чет поднялся с постели и подошел к окну; ему хотелось остыть. Был прилив, и последние лучи солнца играли на поверхности болота. Краем глаза он уловил какое-то движение. Кто-то – вроде бы, мальчик – стоял на кладбище, тень среди теней. Потом мальчик исчез. Чет продолжал смотреть, надеясь увидеть его вновь, и ему вдруг показалось, что он слышит голос. Мальчишеский голос, но очень, очень тихий. «*Что он сказал?* – задумался Чет. – *Беги,* – понял он. – *Мальчик сказал – беги.*»

Тут он услышал, как внизу рассмеялась Ламия – теплый сердечный смех, который мигом разогнал его неясную тревогу. Чет направился вниз.

Он обнаружил их в передней комнате – они сидели рядышком на большом, выдавшем виды красном диване с вытертым ворсом. У Триш в руках был бокал с лимонадом, у Ламии – с вином.

– О чем это вы, девушки, тут болтаете?

– Твоя бабушка рассказывает мне истории, как она была акушеркой.

– Дети, – сказал Чет. – Мог бы и сам догадаться.

Они продолжили обсуждать тонкости материнства, а Чет, не зная, куда себя деть, принялся разглядывать картины на стенах – по большей части потемневшие от времени и все в пятнах. Та, что висела прямо перед ним, изображала дом на холме, с газоном и ухоженным садиком; на заднем плане в рисовых полях виднелись крошечные фигурки работников. У окна Чет заметил старый, в деревянном еще корпусе, телевизор. Провод был воткнут в розетку, и Чет попробовал повернуть ручку. Крошечный экран ожил, но на нем не было ничего, кроме помех.

– Бабушка, а ты телевизор смотришь?

– Нет, мой что-то барахлит.

– Да, это я заметил. – Тут до него дошло, что он нигде не видел ни телефона, ни машины. –

А телефон у тебя есть?

– Да. Но он тоже не работает.

Чет покачал головой.

– А как насчет машины?

– Есть.

– А она работает?

– Нет.

– Господи, бабушка! Как же ты обходишься с продуктами? Только не говори, что каждый раз ходишь пять миль до шоссе.

– Вирд, нет! Зачем мне это?

– Так как ты достаешь продукты? И все остальное?

– Чет, ты разве не помнишь, что у меня огород? Ты только посмотри, сколько у меня овощных заготовок! Иногда мне кажется, что во мне есть что-то от белки – столько я всего запасаю. А если нужно что-то еще, я просто прошу Джерома, и он мне все привозит. Я плачу ему за то, что он смотрит за садом. Он хороший работник, но от него и слова лишнего не дождешься.

Чет бросил взгляд в боковое окно: вниз уходил поросший дубами склон. Только что взошла луна – полная, очень яркая, – и он различил внизу, между деревьями, верхушки надгробий. Чет попытался рассмотреть мальчика-теня, которого видел раньше.

– Бабушка, а расскажи о здешних привидениях.

Она посмотрела на него изучающим взглядом.

– Так, значит, ты тоже их чувствуешь?

– Думаю, да.

– Ему показалось, что он видел сегодня одно, – вставила Триш. – Там внизу, когда мы мимо кладбища проезжали.

– А ты, девочка? Ты что-нибудь видела?

Триш помотала головой.

– И тебе тоже хотелось бы о них услышать?

– Да, наверное.

– Есть здесь насколько духов, – сказала Ламия. – Я видела их, слышала и, что более важно, чувствовала. И не я одна. Местные, Гулла, они тоже их чувствуют. Когда ехали сюда, видели на мосту тотемы?

– Тотемы? – переспросил Чет.

– Она имеет в виду тех страшных кукол, Чет. Из костей и соломы.

– А, да, – сказал Чет. – А зачем они вообще?

– Сколько раз я просила Джерома их снять, но местные просто ставят новых.

– Почему?

– Они считают, что на острове полно неуспокоенных душ... Из-за всех этих нехороших смертей, которые тут случились. Они верят, что духи не могут пересекать текущую воду, поэтому они ставят эти тотемы и кропят мост освященным маслом, чтобы те оставались на острове.

– Плохая смерть, – сказал Чет. – Это ты о дедушке?

Ламия посмотрела на него долгим взглядом и вздохнула.

– Чет, может, присядешь?

Чет сел рядом с Триш.

– Что тетя Абигайль рассказывала тебе о твоём деде?

– Не слишком много. По большей части разговор шел о демонах. Она говорила, что они проникли ему в голову, свели с ума. Мне правда очень грустно это говорить, но она вас терпеть не могла. Считала, что это ты во всем виновата.

Ламия грустно покачала головой:

– Я знаю.

– Я разное об этом слышал, от других, – продолжал Чет. – Ну, до того, как мы переехали. Они говорили, что он был злой человек, нехороший. Убил много народу. Что сумасшествие – это у нас семейное. Поэтому-то мама такой и была. После того, как мама убила себя, дошло до того, что мы выйти из дома не могли без того, чтобы на нас не пялились. Или не говорили бы что-нибудь.

Ламия, глядя в пол, кивнула. Вид у нее был отстраненный.

– Хоть что-то из этого правда? – спросил Чет. – Он действительно был таким плохим человеком?

Ламия кашлянула.

– Иногда он бывал так добр, Чет. Но такое ощущение, что с годами эта его часть постепенно отмирала, пока не осталось только зло.

– Это все алкоголь? Или он и вправду... сошел с ума?

– Может, дело было и в алкоголе... Отчасти уж точно. Может, это все война, то, что он там видел, и то, что ему приходилось делать. Просто я не могла забыть, что он спас мне жизнь. Именно из-за этого я так долго терпела то, чего терпеть было нельзя. Слишком долго. Если бы я знала, что рано или поздно насилие перекинется на детей... К чему это приведет... Я бы нашла в себе силы... По крайней мере, мне так кажется. – Она замолчала; на ее лице читалась боль.

– Ох, бабушка, – тихо сказал Чет. – Не нужно говорить об этом, если ты не...

– Вот сюда он мне выстрелил, твой дед. – Она коснулась шрама на виске. Чет заметил, как вздрогнули ее пальцы. – Непросто говорить о том, что он сделал, о том, что тогда случилось. Каждую ночь я спрашиваю себя: «Как бы оно повернулось, поведи я себя по-другому? А вдруг можно было что-то сделать – и все закончилось бы иначе?» Я все время слышу их... Голоса моих детей.

Она сделала долгий глоток из бокала.

– Они меня сжечь хотели.

– Что... *кто*?

– В конце той большой войны, еще первой, я попала в Венгрии в лагерь для беженцев. Один человек хотел меня обокрасть, и я его на этом поймала. Я рассказала об этом охраннику, но тому было плевать. Вскоре тот человек стал всем рассказывать, будто я ведьма, будто он видел, что я отравила ребенка. Тот ребенок был болен, и я пыталась ему помочь. Но потом, когда ребенок все-таки умер, весь лагерь обратился против меня. Обвинить меня было нетрудно. Охрана бездействовала, и они привязали меня к столбу, обложили дровами и подожгли их. Это Гэвин их остановил, твой дед. Его отряд шел мимо лагеря, и он услышал, как я кричала. Он расшвырял занявшиеся дрова и начал меня отвязывать. Когда охранники попытались его остановить, он вытащил пистолет и направил его на них. Один против нескольких вооруженных людей, он стоял – такой высокий – и смотрел на них так, будто ему хотелось, чтобы они начали стрелять. Они отступили, и он увел меня из лагеря.

Я влюбилась в него, и мы поженились. Он привез меня сюда, на этот остров. Сначала это место казалось мне раем. Дни, когда здесь выращивали рис, давно ушли в прошлое, но Гэвин начал свое дело, стал торговать лесом. У нас появились дети, сначала двое мальчиков, потом твоя мать. Жилось нам неплохо. Но война так и не отпустила твоего деда. Ему стали сниться кошмары, он начал пить, забросил бизнес и разорился. После этого он ни на одной работе не мог удержаться подолгу. Он терпеть не мог, когда ему указывали, что делать, и дело всегда кончалось тем, что Гэвин кого-нибудь избивал. Потом он начал возить спиртное для Сиды Маллинса. Это было еще во время Сухого закона. Он и другими делами для Сиды занимался. Мне он ничего не говорил, но мне не раз приходилось его одежду от крови отстирывать. Люди... Они его боялись. Мы редко ездили в город вместе, но всякий раз в глаза бросалось, как люди его сторонились, вели себя осторожно, как с собакой, про которую известно, что она укусить может.

И вот вскоре после того, как у нас родился второй ребенок, он начал поднимать руку сперва на меня, а потом и на детей. У него просто не получалось сдерживаться. И когда он бывал в таком настроении, сопротивляться было бесполезно. Потом... Потом это случилось. Вскоре после того, как родилась твоя мать. Гэвин пришел однажды вечером домой, чем-то раздраженный. Что-то там сорвалось с перевозкой. Не знаю точно, в чем было дело. Он был в

ярости. Начал он с нашего старшего, Билли. Когда я попыталась его остановить, он просто... разум потерял... – Тут она замолчала.

Триш и Чет посмотрели друг на друга, потом Триш накрыла руку пожилой женщины своей.

– Никогда мне не забыть этот его взгляд, – сказала Ламия. – Он глядел на меня, на детей с такой злобой, будто мы были чудовищами. Сказал, что мы демоны. Криком кричал. Видно было, что он сам в это верит. Выстрелил в меня три раза, в ногу, в грудь и сюда. – Она вновь притронулась к шраму. – А потом взялся за мальчиков.

По щеке у нее скатилась слеза.

– Ламия, – сказала Триш. – Пожалуйста, хватит.

– Он убил их... Застрелил... А потом сжег. – Она закрыла лицо руками и заплакала. Триш обняла ее.

Глава 4

Чет сидел на краешке кровати, ждал Триш и глядел в окно, в ночь. Он опасался, что все это – бабушка, дом со всеми его странностями – будет для нее немного чересчур.

Вошла Триш.

Он осторожно ей улыбнулся.

– Как там Ламия?

Триш притворила за собой дверь.

– А, все в порядке. Она немного расстроена и чуток подвыпивши. – Триш улыбнулась. – Уложила ее в кровать. Думаю, это пошло ей на пользу. Ну, облегчить душу. Рассказать о том, что ей довелось пережить.

Чет кивнул.

– Бедняжка. Она ведь так и жила тут одна, с той самой ужасной ночи. Даже представить не могу, до чего ей было одиноко. Ты знал, что твою мать у нее забрали?

– Да. Тетя Абигайль, дедушкина сестра. Она и остальные родственники со стороны дедушки. Подробностей не знаю, но, как я понимаю, история была некрасивая. Тетя Абигайль обратилась в суд, доказывая, что бабушка неспособна воспитывать ребенка, дошло до того, что тетя пыталась ее засудить.

– Чет, хочу тебе кое-что показать, – Триш раскрыла ладонь: от раны остался только тоненький шрам.

Чет распахнул глаза:

– Ничего себе... Совсем зажило.

– Да. Удивительно, правда? Может, у нее и не все дома, но она уж точно не *сумасшедшая*. В этих ее старых умениях что-то и вправду есть.

Они помолчали.

– Мне нравится твоя бабушка, Чет.

– Даже если она – злая ведьма? – улыбнулся Чет.

– Она просто удивительная. Правда. И вся эта ее магия тоже. То есть, конечно, все эти заклинания и ворожба – это просто ритуал... По крайней мере, я так думаю. Но есть еще целый мир целебных трав и кореньев, о котором я ровно ничего не знаю. Она показала мне этот ее солярий. И там не только растения; там у нее саламандры, лягушки, жуки. Она – просто ходячая энциклопедия грибов, кореньев, разных видов плесени и даже по грязи – черт, да она специалист по всему, что встречается в природе. И, Чет, лучше всего то, что ей хочется передать эти знания, научить кого-то всему, и этот кто-то – я, представляешь? Она сама спросила, не хочу ли я попробовать.

– А ты хочешь?

– Ты что, смеешься? Я думала, мне придется ее упрашивать, и... и... – Триш осеклась. – Ты чего смеешься?

– Значит, ты не против остаться? Попробуем?

Триш закрыла глаза, сделала глубокий вдох, а потом открыла их опять.

– Думаю, да. По крайней мере, на время. Пока ребенок не появится.

– Да?

– Да.

Чет встал, выключил свет. Они разделись и легли в кровать. Он положил руку ей на живот. Триш накрыла его руку своей.

– Думаешь, они нас найдут?

– Нет, – сказал Чет, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. – Тетя постаралась на славу, пытаюсь похоронить прошлое.

– Ламия так радуется ребенку, – сказала Триш. – Знаешь, она хочет, чтобы я рожала здесь, у нее.

– А ты что об этом думаешь?

– Мне кажется, я буду в хороших руках. Она стольким детишкам помогла появиться на свет. А еще, если я буду дома рожать, это значит, что нам не придется обращаться в больницу. Ребенок брыкнулся. Чет ахнул, потом рассмеялся:

– Похоже, наша дочь тоже согласна.

Триш примолкла; ясно было, что она о чем-то думает.

– Чет, милый, у нас все может быть так хорошо.

– Да, – согласился Чет, и замолчал, ожидая, что она скажет дальше.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Для меня.

– Хорошо.

– То, что мы делали – сбежали из дома, все бросили, – чтобы этот ребенок остался с нами. Ну... мне страшно от этого. Твоя бабушка, она просто чудо, и, я думаю, тут у нас все будет хорошо. Но мне нужно знать, нужно услышать это от тебя еще раз... Что ты не вернешься больше в тюрьму. Что ты покончил с наркотиками, что не будешь больше ими торговать, перевозить их, – все это.

Чет с самого начала знал, что будет непросто, что ему немало придется поработать, чтобы вернуть ее доверие. Они начали встречаться еще в старших классах. В то время он еще только начал приторговывать травкой, и то только с друзьями. Триш, казалось, не возражала. Иногда она даже могла раскурить косяк с ним вместе. Но каким-то образом снабжение друзей травкой переросло в снабжение всего города, а потом и в транспортировку наркотиков через границу штата. Когда Триш прознала об этом в первый раз, она пригрозила, что уйдет от него, если он не перестанет. Сказала, что не может быть с человеком, который рано или поздно попадет в тюрьму, она просто не готова такое пережить. Он обещал ей: никогда больше, и честно думал сдержать слово. Но то, что он собирался сделать, и то, что делал на самом деле, – совпадало далеко не всегда, и вскоре она опять его застучала. Он развел ее на второй шанс, но, когда все то же самое произошло вновь, Триш предъявила ультиматум: если это повторится еще раз, отговорки не помогут. Между ними все будет кончено, навсегда. Он понимал, что она за него боится, и поклялся – еще раз, что он и *вправду* завязал. Вот только под «завязал» он имел в виду «после крайней ходки». Две недели спустя Чета арестовали за транспортировку наркотиков, а вскоре после этого, уже сидя в тюрьме, он получил ее письмо.

– Дело, короче, в том, – сказала Триш, – что я не хочу, чтобы наш ребенок рос без отца, потому что тот сидит в тюрьме. Поэтому не нужно мне клясться. В этот раз – нет. – Она крепче прижала его руку к своему животу. – Поклянись ей, нашей маленькой девочке. Поклянись, что ее папа всегда будет рядом.

И Чет поклялся, искренне, как никогда. Откуда ему было знать, что к утру он будет уже мертв.

Глава 5

Чет проснулся где-то после полуночи. Никаких снов в этот раз он не видел, но страх гирей давил на грудь. Он сел в кровати; кожа была влажной от пота, и он тяжело дышал, будто в комнате не доставало воздуха. Он встал, натянул штаны, ботинки и рубашку и ощупью спустился вниз, в темноту. Зашел на кухню, налил себе стакан лимонада и вышел на крыльцо, постаравшись не хлопнуть дверью с противомоскитной сеткой.

Прислонившись к столбу, он смотрел, как соленый туман медленно оседает в лощинах; огромная, круглая луна превращала туман в светящееся марево. Где-то на грани слышимости шумел прибой. В тених танцевали светлячки. Никогда ему не приходилось видеть столько светлячков. На него снизошел покой; он прикрыл глаза. И увидел картинку, яркую, будто настоящее воспоминание. Он увидел себя, Триш, Ламию и маленькую девочку с темными кудрями, – счастливыми, смеющимися на берегу. Поймал себя на том, что улыбается.

Чет открыл глаза. На дорожке стоял мальчик.

Чет чуть не уронил стакан.

На вид мальчику было лет пять или шесть, очень светлые волосы, темные глаза, джинсы, но ни рубашки, ни башмаков. Под мышкой у него была стеклянная банка, полная светлячков.

– Бууу! – сказал мальчик.

Чет уставился на него, пытаясь найти внятное объяснение тому факту, что мальчик был здесь, в глуши, совершенно один. Особенно глубокой ночью.

– Эй... А твои родители знают, где ты и что ты делаешь?

Мальчишка улыбнулся, поднял банку повыше.

– Иди сюда, посмотри, что я поймал.

– Где ты живешь?

– У Горящего Человека. Он хочет с тобой познакомиться.

– Горящий Человек? – Чет начал спускаться по лестнице; он задел рукой за нитку, и колокольчики мелодично зазвенели. Лицо мальчика исказилось, будто от боли. Он отступил на шаг, сердито косясь на Чета.

– Эй, – сказал Чет. – Не бойся. Тебя как зовут?

– Колокольчики, ненавижу их, – сказал мальчишка, перепрыгнул через изгородь и был таков.

– погоди, – крикнул Чет и двинулся вслед за ним. Дойдя до конца дорожки, он оглядел подъездной круг, потом посмотрел в сторону уходящего вниз проселка. Прищурившись, вроде бы разглядел фигурку, метнувшуюся в сторону кладбища, но туман внизу был слишком густым.

– Эй, мистер, – услышал он. Вздрогнув, Чет обернулся и увидел еще одного мальчишку. Этот тоже был светловолосый и темноглазый, но немного постарше. На нем была висевшая мешком рубашка на пуговицах и штаны на помочах.

– Ты моего братика не видел? – Голос у мальчишки был встревоженный.

– Э-э, да. Мне кажется, да.

– Понимаете, он вообще-то не должен бы тут шляться.

– Ну, я практически уверен, что он побежал вон туда, – и Чет указал в сторону проселка.

– Мистер... А вы не могли бы... Если вам не сложно... Пойти со мной, помочь его найти? – Парнишка опустил глаза, будто застеснявшись. – Пожалуйста. Не по себе мне тут одному ночью. Не знаю, слышали вы или нет, но тут на острове вроде как привидения водятся. Не могут отсюда уйти.

– Конечно... Ладно. Только надо бы фонарик откопать. – Чет повернул было к дому.

– Давайте лучше пойдем поскорее, – сказал мальчик и двинулся вниз по дороге. – Он в ручей мог свалиться или с дамбы упасть. Он, Дэйви, плавает так себе.

– Да, хорошо, – сказал Чет и последовал за мальчиком. До него вдруг дошло, что фонарик и не нужен – при такой-то луне.

– Как тебя зовут?

– Билли.

– Что ж, Билли, а я – Чет.

– Я знаю, – сказал мальчик.

– Знаешь?

– Вы же внук Ламии, да?

– Да, – сказал Чет, гадая, откуда мальчишка мог про это узнать.

Когда они миновали кладбище, туман стал гуще и луна будто потускнела. Они вошли в лес; здесь тени и вовсе сливались, сгущаясь в полумрак.

– Черт, – сказал Чет, – видал когда-нибудь столько светляков?

Насекомые, казалось, следовали за ними.

– А это не светляки.

Голос прозвучал как-то хрипло, утробно, не так, как раньше. Чет глянул в сторону мальчишки и заметил, что кожа у него на лице и на шее местами выглядит как-то не так, будто старые, давно зажившие ожоги. Чет не мог понять, каким образом он не заметил этого раньше. Приглядевшись, он был поражен, каким худым, даже истощенным выглядит мальчик, какие у него запавшие глаза. «Что же за жизнь у него дома, – подумал Чет. – Может, родители первым делом тратят деньги на выпивку, а уж потом на еду для детей».

– Не светляки? А что же это?

– Души. Души всех этих детей, которые не могут отсюда уйти.

У Чета по позвоночнику пробежал холодок. Этому ребенку кто-то явно вешал на уши лапшу, и паренек всему верил. Чет попытался рассмеяться.

– Души, да? Кто это тебе сказал?

– Я сам знаю, потому что я их видел.

– А-а...

– Хочешь, покажу, где кто из них умер?

Чет решил, что мальчик ведет речь об убийствах, совершенных его дедом, – среди местных уже, наверное, ходят легенды.

– Могу даже показать, где умерли мы с братом.

Откуда-то из глубины леса раздался стон. Что-то двигалось по направлению к ним. Чет почувствовал, как волосы у него становятся дыбом, отступил на шаг, но остановился. Происходящее начало его раздражать.

– Ладно, Дэйви, можешь выходить, – крикнул он.

Из-за дерева, соткавшись из теней, выступила фигура. Это был мальчишка, тот, что помладше. На лице у него была сконфуженная улыбка.

Чет покачал головой и громко выдохнул напоказ.

– Ну, ребят, ладно, вы меня напугали.

Оба захихикали.

– Хочешь, сыграем в одну игру? – спросил Дэйви.

– Нет. Уже наигрался, – сказал Чет, стараясь убрать раздражение из голоса. – Устал. Пойду посплю.

Он повернулся и пошел было обратно, но вдруг понял, что не знает, где, собственно, это «обратно». Туман сгустился настолько, что не было видно ничего, кроме стволов ближайших деревьев. Он вдруг заметил, что светлячки – они были повсюду – носятся вокруг, будто чем-то взбудораженные. Никогда раньше он не видел, чтобы светлячки так себя вели. Он хотел

было указать на это мальчишкам, но тут раздался стон, – тихий, почти как шепот – и эхо разнесло его вокруг, так, что он слышался со всех сторон. Еще стоны, громче; откуда-то снизу, из-под земли. Звук был кошмарный, будто кто-то или что-то испытывало колоссальную боль. Чет почувствовал, как желудок сжимается от страха, настоящего страха. Что-то ткнуло Чета в спину. Он резко развернулся. Перед ним стоял ухмыляющийся Дэйви.

– Ладно тебе, Чет, давай поиграем немного. – Его лицо. У мальчишки же что-то совершенно не так с лицом. – Мы тут игру придумали, сами. Хочешь узнать, как она называется? – Ухмылка Дэйви становилась все шире, обнажая черные, обломанные зубы, слишком много зубов. – Она называется «Убей Чета».

Чет вытаращил глаза. Это был совсем не тот мальчик, которого он видел раньше. Этот мальчик, казалось, умирал с голоду. Кожу повсюду пятнали ожоги; они расплзались, темнели на глазах. Глаза у мальчишки запали; в нос Чет у ударила вонь – запах горелого мяса.

– Какого хрена? – заорал Чет и развернулся, натолкнувшись при этом на Билли. Тот вцепился в него, обхватив за пояс. Чет попытался оттолкнуть мальчишку, но почерневшая, шелушащаяся кожа липла к рукам, как расплавленный сыр, обнажая голые, торчащие сухожилия и разлагающуюся плоть.

Билли захохотал; его глаза теперь горели, плевались искрами. Внезапно его голова дернулась и зубы, слишком много зубов впились Чет в руку.

– Эй! Эй! – закричал Чет; руку пронзила острая, жгучая боль. Чет опять попытался оттолкнуть Билли, шатаясь, размахивая руками, и, наконец, освободился.

Он побежал; не важно – куда, лишь бы подальше от этих мальчиков. Он несся, не разбирая дороги, сквозь деревья, кусты. Ветки хлестали его по лицу, колючки вцеплялись в одежду, в тело; он потерял ботинок, потом другой. Он бежал и бежал, стараясь вернуться обратно к дому, бежал, пока воздух не начал жечь ему легкие, пока он не изрезал себе все ноги.

Ему послышался шум прибоя, и Чет остановился, пытаясь дышать тише, чтобы прислушаться. И вправду, шумели волны. Прямо впереди. *Черт. Не туда.* Он медленно повернулся, пытаясь сообразить, где находится. Определив направление, он опять бросился бежать, прочь от берега и, когда он был уже уверен, что дом совсем рядом, он опять услышал волны. *Черт!*

– *Давай поигра-а-е-ем,* – эхом доносились до него голоса мальчиков.

Позади него? Впереди? Чет не мог понять. Пульс эхом отдавался у него в ушах.

– Бабушка, – прошептал он, пытаясь до нее дотянуться. Никогда еще ему не хотелось так сильно услышать ее спокойный голос. *Бабушка, пожалуйста, услышь меня.*

Две пары светлячков скачками приближались к нему сквозь туман. Вокруг них постепенно соткались темные очертания. Это были они, мальчишки, только теперь от них не осталось ничего, кроме черной искореженной плоти. Смеясь, они протянули к нему руки.

Чет бросился бежать, сломя голову, уже не видя, куда. Ударился плечом о дерево, от удара его развернуло, и он врезался головой в толстую ветку с такой силой, что его сбilo с ног. Он попытался встать, пошатнулся, упал на четвереньки. Потрогав голову, ощутил под пальцами влагу, взглянул на руку, увидел кровь.

Они появились опять, неторопливо приближаясь, зияя зубастыми улыбками.

– *Чет.* – Низкие, хриплые голоса, почти рычание.

– Дети, – прозвучал твердый, уверенный голос. Из тумана позади кошмарных созданий выступила Ламия. Когда они увидели ее, их лица изменились, резко меняя форму. Их искаженные, изуродованные черты излучали радость.

– Мама! – крикнули оба и бросились к ней. Склонившись к ним, она крепко их обняла. Они обхватили ее руками, зарылись в грудь черными, потрескавшимися лицами.

– *Бабушка?* – вскрикнул Чет.

Ламия взглянула в его сторону.

– Чет, прости. Они тебя напугали?

– Погоди... Нет... Они же... *монстры*. – Он едва мог выдавить из себя слова.

Она отпустила детей.

– Мальчики, оставайтесь здесь. Вы его пугаете. – Голос у нее был твердый, но ласковый.

– Мы ж просто поиграть хотим, – заныли они.

«*Это все не по-настоящему*, – сказал себе Чет, с трудом поднимаясь на колени. – *Как это может быть настоящим?*» И все же ужас, который он испытывал, неистовая потребность бежать от этого безумия – все это было реальным. Он попытался встать, пошатнулся и упал навзничь, приземлившись на руки.

Ламия приблизилась к нему, опустила на колени и обхватила его руками.

– Ну, ну, не бойся, дорогой. Все уже в порядке. Не бойся их. Что же делать, если они стали такими. – Она притронулась к его лицу, и Чет увидел, что ему опять шесть. Ламия: тепло и любовь, луна и звезды, надежная гавань. Все, чего ему хотелось – свернуться калачиком у нее на руках.

– Единственное, что может облегчить их страдания – это доброта, – прошептала она.

Острая боль хлестнула поперек горла, что-то влажное и теплое хлынуло вниз по шее. В руках у Ламии Чет увидел нож, тот самый, из ее ящика, со змеей на рукояти. Теперь он был в крови.

Она смотрела на него нежным, любящим взглядом, и серебряные искры в ее глазах вспыхивали, пульсируя, и медленно кружились, и все вокруг тоже начало кружиться.

Чет попытался поднять руку, но она стала немислимо тяжелой. Мир вокруг тускнел, погружаясь во тьму. Он закрыл глаза; его сознание медленно угасало.

Глава 6

Чет открыл глаза и попытался сфокусировать, но у него не получалось. Все вокруг купалось в серебристом свете. Он поднялся на ноги, не ощущая собственного веса. Голова кружилась, будто он вот-вот опять потеряет сознание. Он схватился за голову; ему с трудом удавалось сохранять равновесие. Вокруг все было расплывчатым, будто в дымке, и каким-то выцветшим. Даже доносившийся снизу прибой звучал как-то глухо.

Он услышал хлопающие звуки, словно какое-то животное лакало жидкость. Повернувшись на звук, он увидел – еле разобрал – очертания сгорбленной фигуры. Он сморгнул, мир стал чуть более четким, и он разглядел, что это было не животное, а человек, женщина. Она стояла на четвереньках, оседлав чье-то тело, кажется, мужское. Чет моргнул опять, и зрение прояснилось, вот только он сразу же пожалел об этом. Как бы ему хотелось никогда не видеть того, что он увидел. Ламия – вот только это была не она: слишком длинные, слишком тонкие руки и ноги, кости выпирают, натягивая ветхую плоть, позвоночник шипами уперся в ткань платья на спине – сгорбилась над лежавшим мужчиной. Приникнув к его горлу, она, постанывая и крича, лакала и чавкала.

– Бабушка?

Она медленно подняла голову; лицо у нее было чересчур вытянутым, как морда у козы. Кровь сгустками стекала по подбородку, по шее, по груди, клейкими нитями свисала с бело-снежной гривы волос. Ее глаза – маленькие серебряные глазки с черными щелками зрачков – уставились на него, пульсируя. Она улыбнулась.

– Чет, я думала, все потеряно, но ты... *ты* спас меня. Я люблю тебя, дитя. Я всегда буду тебя любить.

Чет взглянул на тело, на лицо человека, оседланного бабкой. Увидел собственные лицо, свои глаза, пусто пялящиеся на него в ответ, и откуда-то из самой глубины к нему пришло понимание. Он прижал руки ко рту.

– О, нет. О, *нет... нет... нет!*

– Пойди, поиграй, Чет. Пойди, поиграй со своими братьями и сестрами. – Ламия повела рукой в сторону перемигивавшихся вокруг них светлячков. Он моргнул и увидел, что это вовсе не светлячки, а глаза. Моргнул опять и увидел больше – лица, детские лица, сотни и сотни: от совсем еще малышей до четырех-, пяти- и шестилетних детей. Все они до единого неотрывно смотрели на Ламию, и лица их были искажены страданием и жаждой, желанием настолько сильным, какого Чет у еще не приходилось видеть.

– Мама, мамочка, мама, – шептали они. Слова смешивались, заглушая друг друга, на разных языках, но, тем не менее, было совершенно ясно, что они говорили: они звали мать. Они толпились все ближе и ближе, тянули к Ламии руки.

Билли и Дэйви, взрыкивая и скаля зубы, двинулись вперед. Жажда на лицах детей сменилась страхом. Они отступили, стараясь держаться на расстоянии от двух кошмарных созданий, но ни на мгновение не выпуская Ламию из виду – глаза, глаза, глаза, неотрывные взгляды.

«*Этого не может быть. Не может быть*», – подумал Чет.

– Бабушка! – вскрикнул он, чуть не плача. – Бабушка! Помоги мне! Пусть это прекратится, пожалуйста, о Господи, пожалуйста, прекрати это!

Дэйви и Билли рассмеялись, но Ламия не обратила на него никакого внимания. Она вернулась к телу, к *его* телу, и продолжила пировать – сосать *его* кровь. Чавканье и кричтение эхом отдавались у него в голове, так, что ему захотелось вырвать себе барабанные перепонки.

Чет шагнул к ней, протянул руки.

– Бабушка. *Пожалуйста*. – И вдруг понял, что ведет себя в точности как те, остальные.

Билли и Дэйви, устремив на него взгляды, шагнули вперед.

Чет замер, попытался сделать шаг назад, но ноги скользили, будто на льду. Когда демоны отступили, некоторые из детей кинулись вперед, принялись виться вокруг, цепляться за Ламию руками, гладить по лицу, выпевая ее имя. Ламия шипела и отмахивалась от них, как от мух.

Билли и Дэйви, развернувшись, бросились на детей. Те с криками кинулись прочь. Но Дэйви поймал одну девочку лет трех, не больше, вцепившись зубами ей в плечо. Она тоненько вскрикивала, а он неистово тряс ее, как куклу, и в конце концов оторвал ей руку. Крови не было, только волокнистые, полупрозрачные струйки, которые извивались, будто щупальца. Плача и спотыкаясь, она побежала прочь, под покров затопленного туманом леса.

Дэйви принялся пожирать оторванную руку. И тут Чета поразила страшная мысль, у него похолодело в груди. *Триш. О, Господи, Триш!* Ему нужно было добраться до нее прежде, чем эти монстры, – сказать ей, чтобы она убиралась отсюда, – *сейчас же*. Он отступил назад, спотыкаясь, попытался бежать, но ноги скользили, не касаясь земли, и его несло, будто ветром, вместе с туманом.

– Далеко не уходи, – крикнул ему Дэйви. – Горящий человек хочет с тобой повстречаться.

И двое чудовищ разразились хохотом, впившимся Чету в мозг, как колючая проволока.

Чет бросился прочь, расталкивая детей, их холодные, податливые и мягкие тела. Никто их них не обращал на него никакого внимания, они только вытягивали шеи, стараясь не упустить Ламию из виду. Сосредоточившись на усилиях, Чет постепенно сумел обрести контроль над своими движениями. *Господи, что она собирается сделать с Триш?* Он бежал между деревьями, пытаясь понять, в каком направлении находится дом, и еле удерживался от того, чтобы не закричать, не позвать ее по имени. Он уже собирался было повернуть, попробовать другое направление, когда наткнулся на проселок, ведущий к кругу. Он пошел вверх по дороге; двигаться теперь получалось быстрее: он скорее отталкивался ногами, чем бежал, скользя, почти как на коньках.

На краю поля Чет остановился. Легкий ветерок разгонял остатки тумана, и дом на холме то появлялся, то исчезал из вида. В окнах горел свет. *Триш не спит? Она услышала, как я кричал? Она услышала что-то? Господи, пожалуйста.*

Тут он увидел Ламию. Она шла по дальнему краю поля – ни следа хромоты – вверх по склону, к дому. Демоны шли рядом с ней, щелкая зубами на детей, если кто-то из них осмеливался подойти чересчур близко.

Чет нырнул в заросли тростника.

Подождал, пока демоны не скрылись из вида, и направился вверх по холму. Прячась за кустами, он пробрался к дому – хоть бы успеть до того, как Ламия сделает что-то с Триш. Он бросился вверх по ступенькам крыльца, с размаху наткнулся на что-то твердое, на какую-то преграду, и упал. Раздался легкий звон, отозвавшийся вспышкой боли у него в голове. Он зажал уши руками, и боль постепенно ушла. Чет взглянул на крыльцо: там не было ничего – ни стены, ни загородки. Только цветные нитки с нанизанными на них колокольчиками. Он протянул к ним руку, вновь наткнулся на что-то твердое, и рука занемела, точно от холода. Тренькнул колокольчик, и опять голову пронзила ослепительная боль.

– Твою мать!

– Мы слышим тебя, Че-ет. – Это был один из демонов, но голос звучал откуда-то изда- лека, будто его ветер принес. – Пора к Горящему человеку.

Горящий человек? Какой еще Горящий человек? Но Чет уже, кажется, знал, и тут до него дошло, что, может, есть и кое-что похуже, чем смерть. Гораздо хуже. Он вскочил и побежал вдоль стены, надеясь найти способ перебраться через нити – над ними, под ними. Прохода не было; нити вились вокруг всего дома. Он остановился под окном Триш. В их комнате было темно.

– *Триш!* – закричал он, громко, как только мог.

– Кто не спрятался – я не виноват, Чет, – отозвался один из демонов, все так же, нараспев, и это сводило с ума.

Чет оглянулся в поисках палки или камня – чего-то, чем можно было бы швырнуть в окно. Нашел камешек, схватил. Рука прошла сквозь.

– Ох, твою мать!

– Че-ет, пора – не пора, идем со двора.

Он посмотрел на руки, стиснул пальцами ладонь. На ощупь она была вполне плотной. Он попробовал снова, на этот раз сосредоточившись; рука опять прошла сквозь, но в этот раз камешек дернулся, совсем чуть-чуть, и все же он его *подвинул*. Еще попытка. *Сосредоточиться. Только сосредоточиться*. Камешек лежал у него на ладони; он чувствовал его вес.

– Че-ет, ты где-е?

Камешек провалился сквозь ладонь и со стуком упал на землю.

– Твою мать!

– Че-ет, – голос доносился чуть ли не из-за угла.

Чет бросился вниз по холму, ища, где бы спрятаться, скользнул за ствол дуба. Прижавшись спиной к необъятному стволу и стиснув зубы, он пытался успокоиться. *Должен же быть какой-то выход*.

– Мы тебя *цум*, Чет.

«*Пошли вы на хрен*», – подумал Чет. Ему хотелось знать, сколько еще он сможет продержаться в этой игре. Вдруг что-то прикоснулось к его руке. Он подскочил, еле удержавшись, чтобы не вскрикнуть.

Позади него стоял, пригнувшись, в высокой траве маленький черный мальчик в потрепанной одежде, лет пяти или шести, не больше. Вот только это был не настоящий мальчик. Скорее, легкая игра теней, вроде тех детей, что следовали за Ламией. Чет дернулся, собираясь убежать, но было что-то у мальчика в глазах – нетерпение и страх – будто отражение его собственных чувств.

Мальчик прижал к губам палец и, поманив за собой Чета, на четвереньках нырнул в высокую траву.

Чет колебался.

– Раз, два три, четыре, пять – я иду искать, – прокричал кто-то из демонов.

Выглянув из-за дерева, Чет увидел, как из-за угла дома неспешной походочкой вышел Дэйви. Прикусив губу, Чет последовал за мальчиком, нагнав его секундой позже.

– *Куда мы идем?* – прошептал он.

Мальчик хлопнул себя ладошкой по рту и яростно потряс головой, грозя при этом Чету пальцем.

До Чета дошло. Прижав палец к губам, он кивнул.

Мальчик указал вперед, где из травы торчали верхушки надгробий, потом наклонился, чуть ли не уткнувшись Чету в ухо, и еле слышно прошептал:

– *Там безопасно*.

Нервно оглядевшись вокруг, мальчик быстро пополз вперед. Он уже было миновал еще один дуб, но тут из-за ствола выскочил Билли и прыгнул мальчику прямо на спину, повалив на землю.

– Попался, Джош! – крикнул Билли, макая его лицом в грязь. Из пальцев Билли вдруг проросли когти, и он мазанул пятерней мальчику по спине, вспарывая призрачную одежду и плоть. Мальчик пронзительно, страшно закричал.

Чет вскочил на ноги. Все его инстинкты вопили, что надо бежать, спасаться, пока не поздно, но вместо этого он бросился вперед. В последний момент он успел подумать о камешке, который пытался поднять, – вдруг он сейчас проскочит монстра насквозь. Но этого не случилось. Он врезался прямо в Билли, свалив того на землю. Перевернувшись, Билли сел, глядя на

Чета дикими глазами. Даже на этом изуродованном, сожженном лице ясно читалось недоумение, шок, и что-то еще – может быть, толика страха.

Мальчонка-призрак даром времени не терял. Вприскок, на четвереньках он добрался до кладбища и перемахнул через ограду.

Чет последовал было за ним, но Билли прыгнул, преграждая ему путь. Что бы там Чет у него показалось, теперь на лице Билли не было ничего, кроме чистой злобы.

– Я сдеру с тебя кожу, Чет. Медленно и со вкусом. А когда закончу, то сделаю это опять. В этом-то и фишка, когда ты мертв. Страдать можно бесконечно.

Руки Чета сжались в кулаки. Ему надоело бежать, надоело бояться. Как бы то ни было, пора с этим кончать.

– Так давай, ты, ублюдок мелкий! – закричал Чет. – Давай, попробуй!

Билл медленно поднял руки – они опять выглядели по большей части как руки – ладонями наружу, и растопырил пальцы. Потом, сунув большие пальцы в уши, помахал остальными.

– Какого... – сказал Чет. – Какого дья...

Закончить он не успел. Что-то ударило его в спину, сбilo на землю. Это был Дэйви. Оба навалились на него, силой перевернули на спину, заломили руки. Маленькие, казалось бы, фигурки оказались чрезвычайно тяжелыми; Чет лежал на спине и смотрел в их плюющиеся искрами желтые глаза.

Дэйви поднял руку, потер пальцы друг о друга. Пальцы, затрещав, начали дымиться, и тут вдруг вся его рука занялась огнем. Он медленно опустил ладонь, остановив в паре дюймов над лицом Чета.

– Когда горишь – это больно, – сказал Дэйви. – Больнее всего на свете.

– Знаешь, откуда мы знаем? – спросил Билли. – Потому что твой дед, он поджарил нас. До хрустящей корочки.

Дэйви прижал палец к щеке Чета. Раздалось шипение, а потом, уже когда Дэйви повел пальцем вниз, по шее, пришла боль. Чет задергался, пытаясь извернуться. Дэйви сжал его плечо; его пальцы впились в Чета, как раскаленное клеймо. Чет заорал сквозь стиснутые зубы.

– Хватит!!! – Голос пронесся по полю, как порыв ветра, обдав Чета волной прохладного воздуха, погасив пламя. Билли и Дэйви скатились с Чета и теперь стояли на четвереньках, напряженно вглядываясь в тени. Ухмылки исчезли с их лиц. – Оставьте его в покое.

Голос, казалось, был исполнен власти и доносился одновременно со всех сторон.

– Уходи! – огрызнулся Билли.

Из теней выступил сгорбленный человек с кожей черной, как ночь. Длинные темные одежды, обтрепанные, все в пятнах, болтались на его тощем теле. Тонкий золотой обруч охватывал совершенно лысую голову. Взгляд его сияющих синевой глаз остановился на Чете.

– Так это и есть внук Гэвина?

– Сам же знаешь, – выплюнул Билли. – Мы его изловили, выходит – он наш. Можешь прибрать себе то, что останется, когда мы закончим.

Человек помотал головой.

– Вы закончили.

– А что, если я скажу, что нет?

– Я твои игры терпеть не собираюсь, Билли. Не сегодня. – Человек поднял над головой кулак и разжал пальцы. Чет увидел на его ладони какой-то символ, вроде печати, который поднялся, светясь, в воздух. Мягкий голубой свет, струясь как дым, потек по направлению к двум мальчикам.

Те подняли руки, прикрывая глаза, и, огрызаясь, отступили.

– Твой Бог отступился от тебя, ангельский человек, – прошипел Билли. – Ты умираешь. Скоро, совсем скоро это ты будешь ползать на коленях, рыдать и умолять нас о милости.

На лице человека не отразилось ровно ничего.

Демоны крутились у границы голубого света, взрыкивая, шипя и не сводя с Чета яростных, голодных глаз.

– Он наш, – прорычал Дэйви. – Ты это запомни.

Глава 7

«Ангел?» – подумал Чет. На вид человеку было не больше сорока. На изможденном лице выпирали острые скулы, и никогда Чет не видел такого цвета кожи – она была настолько черной, что отливала в синеву. И теперь, даже сквозь исходящий от него свет, он казался ненормально худым, истощенным, с запавшими глазами. Так, наверное, выглядят, когда умирают от голода.

Человек устремил на Чета свои пронзительные глаза, и тому вдруг показалось, будто каждый поступок его недолгой жизни подвергается пристальному изучению. Мало-помалу этот изучающий взгляд смягчился.

– Встань.

Чет встал, морщась от боли в обожженной шее.

– Что происходит? – спросил он. – Кто вы?

– Покажи руки, – сказал человек нетерпеливо.

– Что?

– Делай, как я говорю. Времени нет.

Чет раскрыл ладони и взглянул человеку в лицо. Его выражение ему не понравилось.

– Что? Что там еще?

Человек медленно покачал головой.

– Отчаяние, как вышло, что ты – мой единственный друг?

– Что? – Чет уставился на руки, потом поднес их ближе к глазам, заметив на правой ладони странные отметины.

Человек взмахнул рукой, и линии у Чета на ладони вдруг на мгновение вспыхнули красным, сложившись в примитивное изображение какого-то рогатого зверя – будто клеймо.

– Ты принадлежишь Люциферу.

– Люциферу? – Чет будто грудь стиснуло.

– Ты был отмечен знаком убийцы и брошен демонам на милость... Каковой не существует.

– Убийца? О чем это ты говоришь? Я не *убийца*. Я никогда... – И тут он остановился. – О, нет. О, Господи... Бог ты мой. Тренер. – Внезапная слабость в коленях. *Я убил его. Господи, я убил его.* – Господи Иисусе... Прости меня, – чуть ли не простонал Чет.

– *Зря стараешься*, – сказал человек. – *Иисус проклятых не слышит.*

Чет уставился на него. Проклятых? Час назад он бы только посмеялся над мыслью, что кто-то там будет оценивать его душу. Может даже поставил бы под сомнение существование Бога, или Сатаны, если уж на то пошло. Но теперь он смотрел на вещи иначе. Теперь в голову не лезло ничего, кроме бесчисленных проповедей, – служба каждое Воскресенье – выслушанных в детстве. Проповедей, грозивших огнем и вечными пытками.

– Это все осложняет, – проговорил человек отрешенно.

– Что – все? – спросил Чет.

Тот не ответил; он прижал ко лбу руку и закрыл глаза, будто стараясь отгородиться от всего вокруг. Висевшая в воздухе печать затрепетала, потускнела, и демоны сделали осторожный шагочек вперед.

– *Что* все осложняет?

Человек молчал.

Чет почувствовал, что начинает злиться.

– Эй... Я с тобой говорю.

Нет ответа.

– Эй, – сказал Чет опять, повысив голос. – Эй! – Он шагнул вперед, стиснул плечо своего не-собеседника и хорошенько встряхнул. – Поговори со мной, черт возьми!

Глаза человека распахнулись; он перевел взгляд с руки, сжимавшей ему плечо, на Чета. Вид у него был рассерженный. Чет убрал руку, но глаз не отвел.

– И ты посмел? – сказал человек. – Посмел прикоснуться к ангелу, посланнику Божию? – Но гнева в его голосе не было, только удивление. – Ты храбр, Чет. Этого у тебя не отнять... И, может, немного глуп. – Он замолчал, явно взвешивая открывшиеся перед ним возможности. – Быть может, это именно то, что нужно. – На губах у него появилась тонкая улыбка. – Может, надежда все-таки *есть*. Да, мне хочется в это верить. Потому что шанс, как бы ничтожен он ни был, все же лучше, чем ничего.

– Вы кто? – вмешался Чет.

Человек обратил свой взгляд ввысь; его губы безмолвно шевелились – молитва или, может, проклятье. Его глаза озарились светом.

– Я – Сеной. Меч Габриэля. Я служу Небесам – и справедливости.

Ангел расправил плечи, выпрямился в полный рост и будто вырос. Печать засияла ярче, и вокруг Сеноя расцвела аура, стусившись в два огромных призрачных крыла. Демоны отступили, прикрывая глаза, но не Чет. Свет ощущался им как что-то очень хорошее, и он вдруг почувствовал всепоглощающее желание войти в него навсегда. Потом аура вдруг потускнела – так же быстро, как появилась. Чет потянулся было за светом, но он уже погас.

Ангел поник.

– Я служу истинному Богу, – еле выдохнул он. – А это, – он небрежно помахал вокруг. – От моря и до моря... Было когда-то моим доменом, за которым я должен был смотреть. Как это... зоной ответственности.

Его голос угас до еле слышного шепота:

– Пока у меня это не *украли*. – Сеной обратил взгляд на Чета. – Выслушай меня, Чет. И слушай хорошенько, если ты хочешь спасти свою Триш.

– Триш? – Чет немедленно напрягся. – Что тебе известно о...

– Помолчи, – резко бросил Сеной. – У нас мало времени. – Печать вспыхнула, сея отблески на чешуйчатые, покрытые коростой тела демонов. – Посмотри на них, Чет. Увидь их истинный облик. И Ламию тоже. Узнай их такими, какие они есть... Богоотступники, кощунственные создания. Это было моим долгом – избавить эту Землю от таких, как они... но, как видишь, я... *потерпел крах*. И тому есть одна-единственная причина. – Он рванул на груди плащ, обнажив зияющую рану там, где должно было быть сердце. – Гэвин Моран. – Голос Сеноя был полон ненависти. – *Твой дед* убил меня. Украл у меня все.

Чет все не мог отвести глаз от кровавой дыры.

– Это Гэвин призвал сюда этих демонов. – С каждым словом голос ангела набирал силу. – Это он убил своих собственных детей, он обменял их души – души своих собственных детей – на милости Люцифера. Это он обрек нас всех на гибель. – Тут его речь оборвал сухой, лающий кашель. Он вдруг схватил Чета, вцепившись ему в плечо холодными, жесткими пальцами. – Он украд мой ключ, и я оказался в ловушке. Потом бросил меня здесь, бросил гнить узником этого острова.

Чет глядел на ангела во все глаза и тряс головой, пытаясь отыскать во всем этом хоть какой-нибудь смысл.

– Ты хочешь, чтобы Триш осталась в живых? Хочешь или нет?

– Да.

– Ты уверен?

– Да... Да, конечно. Черт. Конечно, хочу. Но...

– Тогда ты должен пойти вниз и найти его, найти Гэвина, забрать ключ и вернуться ко мне.

Вниз? У Чета зашумело в голове. *Что значит – вниз?* Но вдруг он понял, что уже знает.

– Ключ – это средоточие моей божественной сущности, краеугольный камень моей воли и могущества, квинтэссенция моей сути. С ним я смогу сбросить оковы, призвать Небеса и положить конец здешнему злу. Ты понимаешь? Ключ должен быть у меня, чтобы я мог остановить ее... Остановить Ламию. Освободить всех нас.

Чет не понимал ровным счетом ничего.

Сеной исподтишка бросил взгляд в сторону Билли и Дэйви, потом, пошарив под плащом, извлек оттуда кожаный мешочек, который сунул в руки Чету:

– Держи. – Мешочек был довольно увесистый; внутри что-то звякнуло. Ангел пошатнулся. Печать замерцала и потускнела, и он вцепился Чету в руку, чтобы удержаться на ногах.

Дэйви и Билли захохотали.

– Скоро, ангельский человек. Совсем скоро.

Чет полез было в мешочек.

– Нет, не здесь, – быстро сказал Сеной, вновь бросив взгляд в сторону демонов. – Скорее, на кладбище. Это освященная земля.

Чет легко перескочил через низкую ограду.

– О-о-ой, Чет, ну чего ты уходишь? – спросил Дэйви. – Мы еще не наигрались.

Лицо Сеной исказилось от усилия; стало ясно, что долго он не продержится. Светящаяся печать затрепетала, будто гаснущая свеча.

– Давай, иди, – сказал он. – Иди вниз и найди Гэвина. Поспеш, потому что у Триш осталось очень мало времени.

– Что это значит?

– Метку свою скрывай, – Сеной говорил все быстрее, по мере того, как тускнела печать. – Гончие Сатаны уже вынюхивают твой след.

– Что это значит – у Триш осталось мало времени?

Печать, вспыхнув в последний раз, погасла, оставив вокруг ангела бледный светящийся ореол.

Дэйви и Билли потихоньку подбирались, все ближе и ближе.

– Когда найдешь Гэвина, – сказал Сеной, – каким бы он тебе ни показался, что бы он ни говорил, помни одно... Он променял души собственных детей на милость Люцифера. Одна мысль о пощаде – и ты обречешь свою Триш на страдания, а твое нерожденное дитя потеряет душу.

– Гэвин, а? – сказал Дэйви, обменявшись удивленными взглядами с Билли. – Что ты еще задумал, проказник?

Сеной заглянул Чету в глаза – казалось, прямо в душу.

– Иди, Чет. Иди, с Божьей помощью.

И с этими словами ангел повернулся и пошел прочь.

– Подожди, – крикнул Чет. У него в голове роились тысячи вопросов. – *Подожди. Подожди, прошу тебя!*

Билли с Дэйви наблюдали, как ангел исчезает за деревьями.

– Хочешь, погонимся? – спросил Дэйви.

– Не-а, – отвечивал Билли. – Куда он денется.

Оба демона подобрались к железным воротам и оттуда уставились на Чета.

– Беги быстрее, – сказал Билли. – Потому что Горящий Человек уже идет за тобой. Он утащит тебя в ад, к остальным грешникам. *Гореть.*

Часть вторая Эреб

Глава 8

Чет прошел несколько надгробий, читая имена, и, наконец, в самом дальнем углу кладбища обнаружил маленькую, совсем простую плиту с надписью: «ГЭВИН МОРАН, 1900–1932». И больше ничего. Чет перечитывал имя, снова и снова.

– *Зачем?* – прошептал он. – *Зачем?*

Он уперся в плиту ногой, попытался ее свалить, но нога прошла сквозь камень, и, заскользив, он упал. Став на колени, Чет уставился на высеченное на камне имя. *Будь ты проклят. Будь... Ты... Проклят.*

В доме загорелось окошко, на втором этаже. Чет дернулся.

– Думаешь, это Триш? – спросил Билли.

– Думаю, да, – отозвался Дэйви с утробным рычанием. – Скоро ее очередь водить. Можем поджарить ее, не спеша, а потом начать заново. А потом еще разок.

Сжав кулаки, Чет подступил к изгороди.

– Не позволяйте им себя достать, мистер Чет, – предупредил его Джошуа. – Это они нарочно до вас докапываются, чтобы за ограду выманить.

Билли и Дэйви начали нарезать круги вокруг маленького кладбища, то и дело меняя обличье, рыча и хихикая. Потом они начали выть, визжать: звук словно вгрызлся в голову. Чет заткнул уши, не в силах это выносить.

– Где это? – простонал Чет. – Джош, дверь, дорога вниз. Где это?

– Дверь? Нет никакой двери. То есть, такой, как вы представляете.

– Тогда какая есть?

– Вам нужно погрузиться в землю, – Джошуа указал вниз. – Мертвые принадлежат земле. Вниз попасть легко. Просто закройте глаза и отпустите поверхность.

– Чего?

– Смотрите, – Джошуа закрыл глаза и погрузился в землю, просто исчез весь, целиком. Чет шагнул на то место, где он стоял мгновение назад, опустился на колени, коснулся ладонью земли. В последний раз взглянув на дом, на окошко Триш, Чет закрыл глаза и – *отпустил*. Ему не пришлось даже прилагать каких-либо волевых усилий, пробивать себе путь; казалось, земля и в самом деле с готовностью принимает его. Он почувствовал, как его засасывает вниз, будто в желудок голодного зверя.

Спустя секунду он ощутил, что движение вниз прекратилось, и открыл глаза. Вокруг клубился светящийся туман, и можно было различить стены тесной земляной каверны.

Джошуа стоял прямо перед ним, безмятежно улыбаясь.

– Видите, мистер Чет. Не так уж это и трудно.

Чет прикоснулся к стене. Она пошла волнами, словно мираж, но на ощупь была плотной и руку не пропускала. Насколько он видел, путь отсюда был один: дыра в противоположной стене каверны. Чет шагнул ближе и заглянул вниз. Темнота.

– А что там, внизу?

Джошуа пожал плечами:

– Я-то точно не знаю.

– Так ты никогда дальше не ходил?

– Нет, сэр. Боялся. Я иногда спускаюсь сюда, когда Дэйви с Билли особенно на меня насаждают. И потом, Сенной сказал, что я не должен идти туда, вниз. Что я должен пойти на Небеса. – Тут лицо у Джошуа прояснилось. – То есть, как только он вернет ключ, он все исправит. Сказал, что ангелы придут и заберут меня домой, к маме. Что я увижу ее опять.

Чет потрогал потолок.

– Джошуа, а как ты выбираешься обратно, наверх? На кладбище?

– Ну, я вижу мои кости там, наверху. Они сияют, как звездочки.

Чет видел только темноту.

– Но возвращаться – это гораздо труднее. Я гляжу на них, на кости, во все глаза, и думаю о них сильно-сильно, и тогда я возвращаюсь наверх. – Джошуа пожал плечами. – Не знаю точно, что там и как. Когда я Сеноя спросил, он ответил, мол, душу всегда к костям тянет.

Чет задумался, что станет с его костями. Кто-нибудь вообще узнает, что он умер? Хотя бы Триш? А тетя? Тут на него обрушилось чувство вины. *Она же предупреждала меня. Говорила прямым текстом, что Ламия – ведьма, что она – дьявол. Жизнь положила на то, чтобы отвести меня от Острова Моран. За уши таскала меня на службу каждое воскресенье, все ради того, чтобы спасти меня от этого.*

– *Черт*, – прошептал Чет, думая о том, как он ей за все это отплатил. Презрением и ненавистью. При первой же возможности уехал от нее. *И никогда больше не возвращался. Ни единого раза. Даже не пытался узнать, как она там.* Чет задумался, что именно тетя знала о том, что случилось той ночью, о роли своего брата во всем этом безумии.

– Джошуа, а ты знал моего деда?

– Да, сэр. Ну, я сам никогда с ним не разговаривал, но мама готовила для мистера Гэвина и миссис Ламии.

– И что она о нем думала?

– Она говорила мне держаться от него подальше. От него и ото всех Моранов. Сказала, что в доме творятся нехорошие вещи.

– Она была там? Той ночью, когда он сошел с ума?

– Нет, не была. Но я был.

– Ты?

– Да, сэр. Плохая это была ночь. Той ночью мистер Гэвин меня убил.

Чет был поражен.

– Джошуа. Как это случилось?

– Я сгорел вместе с его ребятами, Дэйви и Билли. Я снаружи был, позади дома, как вдруг услышал крики, потом выстрелы. Я убежал и спрятался в форте, где они всегда играли. Ну, Билли с Дэйви тоже побежали туда. Мистер Гэвин погнался за ними. Поджег форт. Не самая лучшая это была смерть, мистер Чет.

Чет глядел на мальчика во все глаза, пытаясь понять, что он такое говорит.

– Я сам виноват, – сказал Джошуа. – Я иногда пробирался туда потихоньку, когда мальчиков уже звали домой, и играл там один. Мама меня предупреждала... Говорила, держись оттуда подальше. Но я, бывало, ее не слушался. Ну и... плохой я для этого выбрал вечер.

Чет потряс головой, заглянул в дыру. *Этот ублюдок где-то там. Внизу. Ждет.*

Глава 9

Чет стоял посреди тесной пещеры, и тишина давила на него, как толща земли над головой. Он был один; Джошуа вернулся наверх.

– И что теперь? – спросил он у стен. Слова тотчас поглотила тишина; даже эха здесь не было. *Куда я вообще направляюсь?* Тут до него дошло, что ангел не сказал ему ничего конкретного, не дал ни намека, не указал деталей. *Нет... Что-то он мне все-таки оставил.* Он подтянул к себе мешочек, развязал и перевернул вверх дном. Оттуда выкатились пара десятков медных пенни. Чет подобрал один, чтобы рассмотреть. Монетка была старой – все они были старыми – с головой индейца. Медь подернулась зеленоватой патиной.

– Пенни? – произнес он; в нем крепла уверенность, что у ангела, пославшего его на задание, были не все дома.

В мешочке было что-то еще. Порывшись, он вытащил нож в простых, но элегантных ножнах. Нож был почти в фут длиной; бронзовая рукоять с насечкой в виде чешуи, в навершии – какой-то белый камень. Чет выдвинул лезвие из ножен. Металл отливал очень ярким, почти белым золотом, и на нем не было ни царапины, ни малейшего пятнышка.

Чет тщательно ощупал мешочек изнутри, надеясь найти записку, знак, – что угодно, только бы понять, что он, собственно, должен делать. Не нашел ничего.

– И это все? Кучка мелочи и нож? И это должно помочь мне преодолеть все ужасы Ада? Ножик и горсть медяков? – Он попытался было рассмеяться, но вышло больше похоже на всхлип.

Чет собрал монетки и нож, положил все обратно в мешок и присел около дыры, глядя во тьму. Тьма ответила ему холодным пустым взглядом. Ни звука, ни отблеска, в ней не было ничего. Именно это «ничего» и действовало на нервы сильнее всего. Он спустил в дыру одну ногу, потом вторую. И замер. *«Я не могу, – прошептал он. – Не могу».* И тут у него перед глазами встало лицо – его собственное лицо, которое пялилось на него мертвыми, невидящими глазами, в то время как Ламия – скорчившись над ним, как животное, как вампир – лакала его кровь. И тут все то, что случилось, обрушилось на него; содрогнувшись всем телом, он всхлипнул: *«Я мертв. Я, на хрен, мертв».* Эти слова, казалось, раздирали ему горло. Он раскрыл ладонь и уставился на метку. *«Мертв и проклят».* Страх стиснул ему сердце. *«Но ведь это был несчастный случай. Я никогда... Никогда не хотел его убивать».* Вот только он знал, что это неправда. Он хотел, на одну яростную секунду он хотел убить Тренера. *«Вечное проклятие за одну секунду ярости?! Господи, разве это справедливо!? Где тут вообще справедливость!?»* – Чет опустил руку с меткой и посмотрел вверх. Триш и его нерожденный ребенок – они были там, *одни, с этими.* Он же ей обещал, он поклялся, что всегда будет рядом. Его пальцы сжались в кулак. *«Мне так жаль, Триш. Как же мне, мать его, жаль. – Он сердито вытер глаза. – Я вернусь. Клянусь».* Он опять повернулся к дыре, стиснул зубы так, что заняла челюсть, перекинул мешок через плечо и прыгнул вниз.

Чет скользил, судорожно хватаясь за темноту, не находя ничего, за что можно было бы уцепиться, ничего, что могло бы задержать его головокружительный спуск; тьма будто сама тянула его вниз. Наконец, желоб – или по чему еще он там скользил – начал выравниваться, и он постепенно остановился. Ощупав то, что было вокруг, Чет понял, что находится в каком-то туннеле, и пополз – почти поплыл – нащупывая себе дорогу, а тьма вокруг будто набирала вес, давила на него, угрожая раздавить, расплющить. Он вцепился зубами в собственный кулак. *«Держись, – прошептал он себе. – Просто держись».*

И тут он услышал или, вернее, почувствовал далекий ритмичный гул. Звук приближался. Пошарив в темноте, Чет отыскал мешок, вытащил нож и выхватил его из ножен. К его удивлению, нож светился в темноте тусклым светом, которого еле-еле хватало, чтобы разглядеть – он

находился в небольшой каверне со стенами, будто сотканными из черного тумана. Он кинул вокруг затравленный взгляд, но не увидел никого и ничего, только полость, от которой червоточинами шли ходы: некоторые вели вверх, некоторые – вниз. Он и понятия не имел, какой именно привел его сюда. *Господи, как же я найду дорогу обратно?* Он прогнал эту мысль прочь. *«Надо двигаться, – сказал себе Чет, переводя взгляд с одного туннеля на другой. – Куда идти? Какой выбрать?»* «Вниз», – подумал он. Единственное, в чем у него не было сомнений.

Туннель раздвоился, раз, другой, третий. Чет выбирал наугад – стараясь придерживаться более крупных, ведущих вниз туннелей. Все дальше, все ниже – он скользил, будто плыл по течению: опять это странное чувство, словно он течет, как жидкость просачивается сквозь землю. Время потеряло границы, и, после нескольких часов – или дней, или даже недель, – туннель начал расширяться, и Чет снова смог идти, выпрямившись во весь рост.

Гула он больше не слышал, но время ползло и ползло, и он уже почти мечтал услышать хоть что-нибудь, кого-нибудь, просто для того, чтобы убедиться – он не плутает в бесконечном лабиринте собственного помутившегося рассудка.

Здесь и там начали попадаться лужицы сероватого, тускло светящегося тумана. Вскоре туннель превратился в череду просторных пещер с зыбкими стенами, которые шли волнами, то сгущаясь, то рассеиваясь, как дым. Камни и булыжники стекались в кучи, таяли, растворяясь друг в друге, и перемещались, образуя все новые проходы и стены в вечно меняющемся лабиринте. Он шел и шел, вот только «шел» – не совсем правильное слово, потому что весу в нем практически не было, и двигался он скорее усилием воли, а не ног.

В какой-то момент он услышал всхлипывания. Остановившись, взгляделся в сплетение теней и увидел человека.

Мужчина лет шестидесяти был одет в старомодный костюм, какие носили годах в сороковых. Он сидел на земле, обхватив руками колени, и плакал. Его затылок вздрагивал.

– Эй, – позвал Чет, – Эй, там, привет.

Человек, казалось, его не слышал.

Чет сделал шаг поближе, и вдруг осознал, что человека-то практически не было – только туманные, дымчатые очертания.

– Мистер. Вы в порядке?

Мужчина резко поднял голову. Устремил на Чета исполненный ужаса взгляд.

– Прочь! Убирайся! – крикнул он. – Не подходи ко мне! – Человек явно кричал, истошно орал, но его голос звучал как-то приглушенно, будто издалека, и губы двигались не в лад со словами. – *Убирайтесь прочь, вы, все!*

– Ладно, – сказал Чет, делая шаг назад.

Человек с видимым усилием поднялся на ноги и ткнул длинным, костлявым пальцем в сторону Чета.

– Я не пойду! – закричал он, потом, повернувшись, побежал и исчез в глубине темного коридора.

Возвращаться он явно не собирался, и Чет продолжил свой путь. Туман сгустился, стал более ярким, и Чет убрал нож. Он все еще пытался осмыслить свою встречу с тем человеком, когда из теней неожиданно выступила женщина.

С виду лет ей было немного за двадцать, простое, до колен, платье в беспорядке, волосы всклокочены. Ее фигура была начисто лишена красок – платье, волосы, кожа – все было бесцветным.

– Вы не видели моего ребенка? – спросила она, отчаянно вглядываясь ему в глаза. Чет отступил на шаг, и она схватила его за руку. – Не видели? Вы не видели ее? – Ее голос, как и у встреченного им мужчины, звучал, будто далекое эхо.

– Ребенка? – Чет потряс головой. – Нет, детей я тут не видел.

Ее лицо исказила боль.

– Вы должны помочь мне ее найти! – Она сильнее стиснула его руку.

– Простите, леди. Прямо сейчас я вам помочь не могу. – Он попытался высвободиться, но она не отпустила.

– Она – моя малышка! Моя маленькая девочка! Пожалуйста!

– Я не могу.

Она тянула Чета за руку, стараясь увлечь его за собой.

– Отпустите, – сказал Чет, отталкивая ее. Она упала.

– Черт, мэм. Простите. – Он протянул было руку, чтобы помочь ей подняться. – Держите...

Вздвигнув, она вскрикнула, поползла, цепляясь пальцами, на коленях. Чет смотрел, как она ползет прочь на четвереньках, всхлипывая, заглядывая в каждое ответвление, каждый темный угол, и зовет своего ребенка.

– *Ненавижу это место*, – прошептал он.

Чет продолжил путь и вскоре заметил впереди двух мужчин и женщину – как и та девушка, они были словно сотканы из разных оттенков теней. Когда они его заметили, то остановились и подождали, пока он их нагонит.

– Вы знаете дорогу? – спросил один, худощавый мужчина с торчащей во все стороны бородой и очками с толстыми линзами.

Чет помотал головой.

– Дорогу куда?

Те поглядели друг на друга.

– Мы и сами не знаем, – ответил бородач.

– Думаю, мы умерли, – вступила в разговор женщина. Она была немолодая, полная и невысокая. Ее голос тоже звучал приглушенным эхом и не совпадал с движениями губ. Похоже было, что тут все так разговаривают.

– Мы надеялись, что тут будет дорога, – сказал бородач. – К другой жизни. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Нет, – сказал Чет. – Но у меня такое ощущение, что нам надо двигаться вниз.

– Да, и у нас такое же чувство, – сказал бородачатый человек. Он с тревогой взглянул на Чета. – Я только надеюсь, что мы идем в... Ну, вы понимаете...

– Только не начинай опять, – сказала женщина; лицо у нее было мрачным. – Там, впереди, будут все ответы. Просто должны быть. – Она решительно направилась вперед.

Они последовали за женщиной и совсем скоро начали наткаться на других. Поначалу люди радовались, что видят другие души; их лица озарялись надеждой, что у новых спутников могут быть ответы, но чем больше людей присоединялось к процессии, тем становилось очевиднее, что ни у кого из мертвых ответов нет. Толпа росла – сначала десятки, потом сотни. Процессия извивалась между парящими камнями и скалами, исчезая в туманной дали: бесчисленные серые тени на сером фоне – казалось, кроме серого, в мире не осталось больше цветов. Многие души явно были напуганы, или глядели вокруг с ничего не понимающим видом; кто-то рыдал, кто-то бормотал себе под нос. Но на большинстве лиц была написана мрачная решимость – как у людей на тонущем корабле; они молча шагали вперед, цепляясь за крохотную надежду, что там, впереди, им ответят на их вопросы, и это будут хорошие ответы.

Толпа росла, и Чет начал улавливать и другие языки, кроме английского. Люди сидели и лежали у дороги, между камней. Многие были будто выцветшими, с первого взгляда их даже трудно было заметить. Они были совершенно неподвижны – только смотрели куда-то вверх или же просто пялились в пустоту.

Чету стало казаться, будто над ними, наверху, что-то есть, что-то огромное и тяжелое. Он поднял глаза, но не увидел ничего, кроме клубящейся серой пустоты. И в этой пустоте начала медленно проявляться невероятная, огромных размеров тень. Она медленно дрейфовала по

направлению к ним, волоча за собой длинные, будто сотканые из черного дыма щупальца – словно гигантская медуза. Щупальца мели по земле, поднимая облака серой пыли.

Раздались крики, и Чет заметил, что каждый, к кому прикасались щупальца, становился их частью. Те, кто прилипал, кричали и пытались вырваться, пока их медленно затягивало внутрь.

Души пытались бежать, но только скользили, барахтаясь, как в замедленной съемке: будто танец из кошмарных снов. Чета сбили с ног, и другие карабкались по нему, отчаянно пытаясь спастись. Щупальце скользнуло прямо над ним, подхватив упавшую на него женщину. Ее глаза вспыхнули – по-настоящему засветились – и продолжали гореть, пока щупальце медленно засасывало ее.

Создание полетело дальше, постепенно исчезая в тумане, но Чет у еще долго были видны эти глаза, сотни уставившихся на него светящихся глаз. Он так и лежал, дрожа, пока глаза, наконец, не исчезли и не утихли крики.

– *Что это было?* – всхлипнул Чет. – *Что это была за хрень?*

Он сделал было несколько резких движений, пытаясь двигаться быстрее. Но все его усилия оказались тщетными, и вскоре, как и все остальные, он сдался и продолжил медленно спускаться вниз, поглядывая иногда в облака и гадая, какие еще ужасы могут ждать их впереди.

Впереди над толпой поплыл шепот. Чет пытался рассмотреть хоть что-то через головы идущих впереди душ, но понять, что происходит, смог только после того, как миновал очередной поворот. С одной стороны дорога обрывалась в пропасть, в которой ходили, клубясь, тучи. В разрыве между тучами Чет разглядел широкую темную реку и кое-что еще: какие-то вспышки или мерцание на той стороне реки. Чет прищурился. *Факелы. Это же факелы.*

Глава 10

Колени у Триш подогнулись, и она споткнулась, чуть не упав с лестницы. Чья-то рука – большая, сильная рука – подхватила ее. Рука принадлежала Джерому, подручному Ламии. Подхватив ее, он помог ей подняться обратно на крыльцо.

– Усади ее на диван, – сказала Ламия, придерживая забранную сеткой дверь. Джером провел Триш в гостиную, к дивану.

– Ну, вот и ладно, дитя, – сказала Ламия. – Посиди-ка тут пока чуток, а я тебе чаю заварю.

Ламия ушла, а Триш сидела, уставившись в окно, на залив. Далекие волны внизу дробили солнечные блики. «Да как погода смеет быть такой хорошей, – подумала она, – когда Чет лежит там, в солярии, холодный и мертвый?» Она никогда бы не смогла в это поверить, не увидь она его своими глазами. Ламия попыталась смягчить удар, уложила Чета на лавку и окружила белыми камелиями, но как что-то могло подготовить Триш к такому?! Она потрясла головой. *Нет. Это невозможно.* Ламия сказала ей, что утром, совсем рано, услышала крик и послала Джерома посмотреть, в чем дело. Здоровяк нашел Чета под обрывом, у моря. Ламия думала, что Чет пошел прогуляться и не увидел края обрыва в тумане.

Далекое море расплылось у Триш перед глазами. Опять слезы. Рыдание прорвалось откуда-то из самого нутра, выворачивая ее наизнанку, стигая пополам. Вскрикнув, она изо всех сил стукнула по дивану кулаком, потом еще, и еще.

– *Нет!* – закричала она. – *Нет!* – Она упала на бок без сил, всхлипывая и сжимая руками живот. – *О, Боже, Чет. Ты не мог умереть. Не мог. Просто не мог.*

Ламия вернулась в комнату с подносом, поставила его на низенький столик. Только тут Триш заметила, что Ламия ходит без трости.

– Ламия, ваша трость. Вам не надо бы...

– Не беспокойся обо мне. У меня бывают плохие дни – и хорошие. Ну-ка, выпей это, и станет легче. – Она сунула Триш в руки чашку горячего чая. – Там есть чуток одуванчика и мака. Тебя может начать клонить в сон. Я люблю выпить чашечку на ночь, чтобы спалось лучше.

Как это было бы хорошо – заснуть.

Триш отпила глоток. Слегка онемел язык, и она разобрала горечь, скрытую сладостью меда. По телу разлилось тепло, и она вдруг почувствовала себя совсем легкой – будто вот-вот улетит. Комната внезапно качнулась перед глазами; веки налились тяжестью.

Она посмотрела на Джерома; тот все еще стоял в дверях: он так и не двинулся ни разу, не заговорил. «*Права Ламия, – подумалось Триш, – разговорчивым его не назовешь*». И тут ее осенило: «*А что вообще здесь делает Джером? Да еще так рано? У Ламии же нет телефона. Как странно*». Она попыталась спросить у Ламии, но оказалось, что язык ее совершенно не слушается.

Ламия взяла ее за руку.

– Ну, ну, дорогая. Ты только ни о чем не беспокойся. Я о тебе позабочусь.

Триш закрыла глаза и дала течению себя унести.

Глава 11

Чет все шел и шел в процессии душ, медленно бредущих вдоль берега реки. Противоположного берега было не разглядеть; факелов он больше не видел: только густой, непрерывно клубящийся туман. Он подошел к низкому парапету, перешагнул его и выбрался на песчаную косу, полого уходящую в воду. Он надеялся разглядеть другой берег, не забывая поглядывать в небо, чтобы не пропустить появления призрачной медузы.

Несколько десятков душ толклись у воды, вперив пустые, потерянные взгляды в черные волны реки. Чет шагнул ближе, на самый край, и заглянул в темную глубину. Сперва он заметил какое-то движение, потом – смутные очертания, кишевшие у самого дна: кости, одетые тенями, будто обернутые тонкой, прозрачной вуалью. Тени устремились вверх, к нему, и он увидел лица – несчастные, измученные лица. Сперва их было всего несколько, но к ним присоединялись все новые и новые – тысячи и тысячи искаженных страданием лиц. Он услышал голоса, хор стенаний, над которым взмывали отдельные страдальческие выкрики – все они звали его, просили, умоляли помочь.

Вскрикнув, Чет отступил.

Мимо него пробрал человек; на лице у него было выражение глубокой печали. Не останавливаясь, он вошел прямо в воду. Его призрачная фигура, казалось, растворялась в черных, бурлящих струях; он погружался все глубже и глубже, и вот он уже по пояс в воде.

– Эй, – окликнул его Чет. – Думаю, не надо вам...

Вода вокруг мужчины будто вскипела, а он все продолжал идти. Из волн высунулись руки, множество рук. Толстые, костлявые, почти прозрачные – они, цепляясь за одежду, за волосы, потащили мужчину вниз. Человек совершенно не сопротивлялся и вскоре исчез под водой.

– О, Господи, – выдохнул Чет.

Долгую секунду не было видно ничего, кроме бурлящей воды. Потом, несколькими ярдами ниже по течению, тот человек снова вынырнул. Размахивая руками, он испустил страшный вопль; в глазах у него стояли ужас и боль. Длинные пальцы вцепились ему в волосы, в кожу, раздирая плоть, в глаза, в рот, заглушая его крики, и потащили вниз; и вот он уже скрылся под водой.

Чет в панике бросился обратно, поскользываясь. Выбравшись кое-как на высокий берег, он встал там, тяжело дыша, глядя на реку. Он был уверен, что обладатели страшных лиц вот-вот бросятся за ним на берег и вцепятся в него своими скрюченными руками. Он опять влился в толпу и продолжил путь.

Дорога все так же шла вдоль берега, и Чет теперь поглядывал в сторону реки, стараясь держаться подальше от берега.

Где-то милою спустя движение замедлилось, и толпа образовала пробку. Чет попытался заглянуть вперед поверх голов, но вдали все исчезало в тумане. Толпа становилась все гуще, и выбраться из нее уже было невозможно. Ему ничего не оставалось, как двигаться вперед маленькими шажками вместе со всеми остальными.

Толпа протискивалась между огромными валунами, цепью преградившими ей путь. Движение то возобновлялось, то замирало совсем. Стало понятно, что кто-то или что-то впереди пропускает людей группами. Толпа вновь остановилась. И тут Чет услышал плач, совсем близко. Сначала трудно было разобрать, откуда точно идет звук – все голоса здесь звучали приглушенно и блуждали, словно эхо. И вдруг Чет понял, что звук доносится чуть ли не у него из-под ног. Он еле разглядел маленькую тень среди валявшихся у дороги камней.

– О, Господи.

Это был младенец, не больше года, совсем голенький, мальчик. Первая мысль Чета была о той женщине в туннелях, которая искала ребенка. Может, это ее младенец? Нет, вряд ли. Она вроде бы искала девочку?

Ребенок встретился с Четом взглядом и протянул к нему ручки.

Чет огляделся, надеясь увидеть отца или мать ребенка – хоть кого-то, кто мог бы помочь. Души бросали на ребенка тревожные, полные жалости взгляды и быстро отводили глаза. До Чета дошло, что здесь, внизу, у ребенка вряд ли были родители. Что, скорее всего, он был сам по себе. *Господи, что же с ним будет?*

Толпа вновь зашаркала вперед. Ребенок махал Чету ручками.

– Я не могу тебе помочь... Просто не могу, – сказал он скорее самому себе. Он ненавидел это чувство беспомощности, ненавидел то, что смерть так несправедлива, так жестока. Сжав зубы, Чет двинулся дальше. Спустя несколько шагов он обернулся, думая, что малыш уже вновь расплакался, один, среди толпы. Но мальчик все глядел ему вслед, и вот надежда на его личике сменилась замешательством, а потом – страхом. Ясно было, что у ребенка никого нет, но доконало Чета – резануло по живому – другое: у малыша даже не было возможности понять, что с ним случилось, что с ним происходит *сейчас*.

– Шагай, шагай, – сказал Чет сквозь зубы самому себе. – Продолжай идти. – Он подумал о Триш, об их нерожденной дочке, о том, как она толкалась ему в руку сквозь живот матери, как сильно зависела от него эта маленькая, хрупкая жизнь. Чет остановился и повернулся, глядя на ребенка. У него-то нет никого.

– Твою мать, – выругался Чет, и принялся проталкиваться обратно сквозь толпу. Он подхватил мальчика на руки, и ребенок тут же ухватился за него, крепко вцепившись крошечными пальчиками в рубашку. Чет оглянулся, надеясь, что кто-то выступит вперед и предъявит на ребенка права. Но уловил всего пару обеспокоенных, брошенных исподтишка взглядов – среди моря испуганных, ничего не понимающих лиц.

– *Как же ты сюда добрался?* – прошептал Чет. – *Ты что, прополз весь этот долгий путь, один?*

Ребенок перестал шмыгать носом и, прислонившись головой к груди Чета, принялся сосать палец.

– Ох, только тебя мне и не хватало, – вздохнул Чет. Толпа вновь начала ползти вперед.

Вдоль дороги начали попадаться обтесанные камни, разрозненные фрагменты старой кладки. Постепенно отдельные куски слились в частично обрушившуюся стену. Стена уперлась в крепостной вал, а тот – в башню: примитивное, очень древнее на вид сооружение. В башне виднелись массивные ворота – единственный вход на мост, дальний конец которого терялся в густом, хмуром тумане. Ворота были закрыты; мост недоступен. Люди выстраивались в очереди, которые тянулись вниз по каменным ступеням, огибающим башню с обеих сторон, к пристани под мостом. Чет тоже встал в очередь.

Из тумана медленно выступила, приближаясь, широкая баржа. Одинокая фигура в плаще вращала за рукоять колесо, укрепленное на канате, натянутом между берегами. Лицо паромщика почти полностью скрывал капюшон; различить можно было только жесткую складку губ. Паром ткнулся носом в причал.

Паромщик ничего не сказал, даже не поднял взгляда. Он просто стоял у своего колеса и ждал.

Души начали тревожно перешептываться, но в лодку никто не шел.

– Куда идет паром? – крикнул какой-то мужчина.

Паромщик безмолвствовал, и другие тоже начали выкрикивать вопросы на нескольких языках, добываясь ответов – у него и друг у друга. Паромщик все так же неотрывно глядел в черные воды реки.

Какой-то мужчина поднялся на борт – просто шагнул на баржу и сел на скамейку у самого борта. Толпа, наблюдая, притихла. Ничего не произошло, и еще несколько душ ступили в лодку, потом еще и еще, и вот уже образовалась очередь.

Чет отдался течению толпы; когда он ступил на борт парома, ребенок тихонько захныкал. – *Все будет хорошо*, – прошептал Чет, но на душе у него тоже было тревожно.

Паром быстро заполнился – на палубе толпилась, по крайней мере, сотня душ. Когда места совсем не осталось, паромщик принялся вращать рукоять колеса, и судно медленно отчалило от пристани.

Чет сидел, крепко вцепившись в поручни. Судно, неуклюже переваливаясь, боролось с медленным течением реки. Низкие стоны эхом отдавались над водой. Искаженные мукой лица следовали за паромом, впиваясь в пассажиров взглядами из темных глубин. Подавив дрожь, Чет крепче прижал к себе ребенка.

Берег мало-помалу исчезал из вида, и тут Чет заметил молодую женщину во фланелевой рубашке, с короткими волосами, которая, не отрываясь, смотрела на ребенка у него на руках. Их глаза встретились, и она принялась проталкиваться к нему сквозь толпу. Когда она подошла поближе, Чет заметил, что она держала по младенцу на каждом бедре. Оба цеплялись ей за рубашку.

– Это ваши? – спросил Чет, уже понимая, что это не так: судя по чертам, она явно была родом из Испании или, может, из Латинской Америки, а оба ребенка были совершенно на нее не похожи. Это бросалось в глаза не сразу – все здесь были одинаково призрачно-бледными.

Она заговорила. Вроде бы по-испански.

– Вы не говорите по-английски?

– Инглиш, ноу, – отвечала она, покачав головой.

Он указал на детей, потом назад, на берег.

Она печально кивнула.

Какой-то мужчина случайно задел Чета плечом. На спине он нес другого человека: руки и ноги у того были какими-то вывернутыми, перекрученными и неестественно тонкими – он явно страдал параличом, и уже давно. Чет заметил, что большинство душ на вид были преклонного возраста, сгорбленные, болезненные и передвигались с явным трудом, и опять подумал, как несправедлива может быть смерть, что людям приходится тащить свои немощи даже в могилу.

Туман становился все гуще, и Чет уже с трудом разбирал лица сидевших рядом. Туман лег им на плечи, облепил с ног до головы, выбелил, будто обсыпав снегом, лица. Казалось, туман пробирается под кожу, проникает в плоть. То ощущение, к которому Чет уже успел привыкнуть – будто он парит и в любой момент может оторваться от земли, вдруг исчезло. Он почувствовал неровные доски палубы под ногами, вес ребенка у себя на руках. Постепенно он начинал чувствовать себя все более и более плотным – или плотским – и то же происходило с ребенком у него на руках, и со всеми, кто был вокруг. Он сжал одну руку другой, потом пощупал ручку ребенка. Сомнений не было: прикосновение было настоящим, как и кожа под пальцами – холодная, влажная, бледная, как рыбаье брюхо, – но это была настоящая кожа, настоящая плоть.

Вокруг раздавались удивленные крики, восклицания. На щиколотки вдруг плеснуло холодом, и Чет с некоторой тревогой заметил, что судно набирает воду, резко осев в воде под грузом множества душ.

В нос ударил резкий запах серы. Чет резко втянул воздух и вдруг понял, что к нему вернулось обоняние – он по-настоящему чувствовал запахи, ощущал, как липнет к коже холодная, мокрая ткань одежды. В мир вернулись краски – и все вокруг будто обрело четкость. В ушах у Чета щелкнуло, и он ясно услышал, как люди вокруг перешептываются с радостью и облегчением. Это было – почти – так, будто он опять *жил*. Все улыбались, кто-то даже рассмеялся.

Души глядели вверх, в небо, с такими лицами, будто их простили, дали второй шанс. В душах забрезжила надежда.

Было и кое-что еще, что Чет заметил не сразу. Старики исчезли. «*Нет*, – подумал он, – *не исчезли*». Он снова огляделся: это были те же самые люди, но в расцвете молодости и сил. Человек с иссохшими руками и ногами теперь был мальчишкой-подростком: он стоял, стоял сам, и неотрывно глядел на собственные руки, сжимая и разжимая пальцы.

– Ни в чем нет ни малейшего смысла, – сказала женщина с двумя младенцами на руках.

– А, так вы все-таки *говорите* по-английски?

Она кинула на Чета недоуменный взгляд.

– Нет. Не говорю.

– Что? Мы же по-английски сейчас разговариваем.

– Нет, по-испански.

Чет переводил взгляд с одного лица на другое, вслушиваясь в разговоры, звучавшие рядом. Он понимал все – не совсем идеально, иногда в голосах звучало едва различимое эхо, – но каким-то образом все, казалось, говорили на одном языке.

Ребенок на руках у Чета потянулся к одному из детишек на руках у женщины – это была маленькая девочка – и похлопал ее по ручке. Девочка рассмеялась, и женщина вдруг слабо улыбнулась.

– Вы ребенка по дороге нашли? – спросила она.

– Да, неподалеку от пристани.

Женщина крепче перехватила своих.

– Этих двоих я в туннелях подобрала.

Чет кивнул.

– А других вы видели? – спросила женщина.

– Других детей? Нет.

– А я видела. Еще нескольких. Сидели, знаете, совсем одни. Я не смогла... – Тут ее голос сорвался. – Просто рук не хватило.

Стиснув зубы, Чет кивнул. Еще секунду они молчали, без слов понимая друг друга на каком-то очень глубоком уровне. Он смотрел, как она держит на руках этих детишек, как заботится о них, и думал, что в этом холодном, мертвом мире, похоже, все-таки выжило что-то человеческое.

Сморгнув слезы, испанка отвернулась, глядя в туманную пустоту. Они словно парили в облаке, может, двигаясь, а может – и нет.

– Меня зовут Ана, – сказала она.

– Чет.

По толпе пробежал взволнованный шепот: впереди из тумана выступили, угрожающе нависнув над паромом, громоздкие серые очертания то ли скал, то ли стен.

– Думаешь, там, впереди, будет хорошо? – спросила Ана.

Чет думал иначе, но говорить об этом не стал, только пожал плечами.

Из тумана выплыла каменная пристань, похожая на ту, от которой они отчалили, и секунду спустя паром уткнулся в причал. На набережной горели факелы, отбрасывая неверные тени в туманную мглу. Где-то рядом ударил колокол, и они услышали приближающийся, согласный топот тяжелых сапог. Все примолкли.

Причал лежал вровень с поверхностью воды. Единственным выходом с пристани была каменная лестница, уходившая вверх, во мглу, и по этой лестнице спускался к ним десяток неясных фигур. Фигуры замерли у подножия ступеней; они явно ожидали прибытия парома. Чет заметил, что все они были вооружены копьями, палицами или даже мечами.

Паромщик подошел к борту и откинул канат, соединявший поручни, открыв путь на пристань. Потом, все так же без единого слова, он вернулся к своему колесу.

– И что нам теперь делать? – спросил кто-то.

Паромщик не ответил, но Чет уловил выражение его глаз под капюшоном. Его взгляд был направлен на вооруженных людей на пристани, и был он недобрый. Никогда раньше Чет не приходилось видеть такой смеси раздражения и ненависти на чьем-либо лице.

Души неуверенно переглядывались. Потом медленно, одна за другой, они принялись сходить с баржи, опасливо ступая на влажный булыжник пристани. Чет и Ана сошли на берег вместе с остальными; толпа двинулась к вооруженным людям, потому что больше идти было некуда.

Стражники выстроились в ряд и склонили копья, перекрывая вход на лестницу. Все они были крупные мужчины, одетые в потрепанные куртки, пиджаки, сюртуки и камзолы самых разнообразных фасонов и исторических стилей, все – разных оттенков зеленого. Ткани явно были выкрашены вручную, а некоторые – просто вымазаны поверху зеленой краской. Большинство было в капюшонах или шляпах – стетсонах и котелках, тоже зеленого цвета, и в мешковатых штанах, заткнутых в сапоги. Лица сетью покрывали глубокие ритуальные шрамы. Под серой, будто изрытой оспинами кожей бугрились перевитые венами мышцы. Но внимание Чета в первую очередь привлекло их оружие. У большинства были копья, но несколько человек сжимали в руках шипастые палицы; было и несколько крюков на длинных рукоятках, достаточно широких, чтобы зацепить человека за шею.

– Скажите, пожалуйста, что все это значит? – спросил мужчина в переднем ряду. На нем был деловой костюм, и стрижка приличная – по всему видно было важного человека, бизнесмена или, может, политика.

Стражники ничего не ответили, только вперили в него жесткие, лишённые всякого сочувствия взгляды.

– Скажите, по крайней мере, где мы?

– На небесах, – отвечивал человек, который спускался в этот момент по лестнице. Огромный, мощный мужчина, настоящий здоровяк. На нем был длиннополый темно-зеленый плащ и кожаные штаны, а также остроносые ковбойские сапоги. – Что, разве не похоже? – В ожидании ответа он запустил жирные пальцы в свои жидкие белесые волосы и уставился на прибывших мутными глазками. – Нет? – Небрежным жестом он отбросил в сторону полу пиджака; за пояс у него было заткнуто нечто, напоминавшее кремневый пистолет. – Мое имя – Дирк Робертсон, здесь, в Стиге, закон – это я.

Тут Чет заметил у него на нагрудном кармане жестяную звезду.

– Так что хочу прояснить кое-что прямо сейчас. Как я говорю – так оно и делается. – Он подождал, не решится ли кто-нибудь оспорить это утверждение. – Условия таковы. Вы должны уплатить пошлину. Таков закон... вот уже много тысяч лет. Либо платите, либо плывете назад. Своим ходом. Решать вам. Но никто не поднимется по этой лестнице, пока не заплатит.

– А что такое Стига? – Это опять был человек в деловом костюме; в его голосе помимо воли звучали тревожные, даже панические нотки. – Можете вы сказать хотя бы это?

Дирк проигнорировал его – он отдавал какие-то распоряжения одному из стражников.

– Эй! – крикнул человек в костюме срывающимся голосом. У Чета на языке вертелся совет – вести себя потише: Дирк явно был не из тех, кто любит, чтобы ему указывали. – Эй, сэр? Сэр? – Мужчина в костюме подергал Дирка за рукав.

Дирк развернулся, выдернул беднягу из толпы и швырнул на булыжники пристани, а потом, что есть силы, пнул в бок так, что тот отлетел к воде. Выхватив меч у одного из стражников, Дирк подошел к упавшему и, как следует замахнувшись, рубанул мечом тому по шее, потом еще раз, на втором ударе отделив голову от туловища.

Толпа ахнула. Повисла мертвая тишина – никто не шевелился, не слышно было даже шепота. Все смотрели на лежавшую на булыжнике голову, которая глотала воздух ртом и неистово вращала глазами.

– Думаете, вы мертвы, так, значит, и терять вам больше нечего? – проорал Дирк. – Так подумайте еще раз, потому что смерть не так проста, как кажется... Только не здесь, внизу.

Он прижал острие меча к виску головы. Взгляд обезглавленного отчаянно метался из стороны в сторону, будто в поисках спасения. Дирк навалился на меч, вгоняя его в голову. Чет хотел отвести взгляд, но не мог. Дирк повернул меч, раздался треск – это раскололся череп. Голова издала долгий вопль, и Чет увидел, что из раны струится какой-то серебристый дымок, медленно собираясь над телом в небольшое облако.

Взгляд у головы замер, челюсть отвисла. Облачко приняло зыбкие очертания человеческой фигуры. Ее лицо приобрело отчетливые черты, и Чет вдруг понял, что видит перед собой человека в костюме. Тот явно испытывал замешательство, но потом глаза у него расширились, и он принялся затравленно шарить взглядом по сторонам, будто услышал нечто ужасное, недоступное слуху остальных. Неистово засучил руками и ногами. Его призрачный рот вдруг неестественно широко раскрылся, потом еще шире, и еще, пока – все так же беззвучно – его не разорвало пополам. Из дыма соткалась новая фигура, только для того, чтобы вновь разорваться на части, потом еще, и еще. Все это время он дрейфовал вверх, извиваясь, выворачиваясь наизнанку, и, наконец, медленно растворился в нависшем над ними тумане.

Многие в толпе, не скрываясь, рыдали. Чет крепче прижал к себе ребенка и зажмурился, пытаясь изгнать из памяти изуродованное ужасом лицо. *«Надо держаться, – прошипел он сквозь зубы. – Хочешь вернуться обратно к Триш – надо держаться».*

– Кое-кто думает, что Чистилище – это второй шанс, – произнес Дирк. – Что ж, могу сказать вам, что это – не так. Это *последний* шанс. Знаете, тут их слышно иногда – мертвых мертвецов, потерянные души, как этот несчастный придурок, который только что отлетел в облака. Не знаю, что там с ними конкретно происходит, но не похоже, чтобы им это нравилось. – Он неторопливо вернулся обратно к строю стражников и сунул меч владельцу, будто ничего особенного не произошло. – Я здесь для того, чтобы собирать пошлину, – повысил голос Дирк. – Не для того, чтобы указывать вам путь в этом гребаном ином мире. Доставите нам неприятности – закончите либо в реке, либо там же, где этот придурок. Вот так! Чем скорее вы заткнетесь и будете делать, что говорят, тем скорее сможете обрести покой, искупление, покаяние или свою мамочку. Или по какой там еще херне страдают ваши души. – Тут он извлек из внутреннего кармана пиджака зажигалку и самокрутку, прикурил и с наслаждением затянулся. – Итак, чтобы не тянуть с этим делом, нам нужны медяки, пенсы, к примеру. Нарыл у себя мелочь – вперед, дорога открыта. Золото тоже сойдет, да практически все, что сделано из металла, сапоги хорошие, куртки, ножи... Хрен, да пистолеты – если они у вас, конечно, есть. Нет ничего – отдаете плотью.

«Медяки?» – подумал Чет, вспомнив о мешочке.

– В могилу с собой не забереешь, так говорят, да? – продолжил Дирк. – Вот вам и показатель, сколько там, наверху, известно о здешних делах. А теперь пошарьте-ка по карманам, посмотрим, что удастся найти.

Люди принялись рыться в карманах. Многие с удивлением обнаруживали у себя монетки, кольца, часы; кое у кого находились даже кошельки.

Чет сунул руку в карман и тут только понял, что на нем – его старая джинсовая куртка. Перед смертью он ее совершенно точно не надевал. В остальном он был одет как обычно – потертые вельветовые брюки, тяжелые ботинки и футболка. Глянув вокруг, он заметил, что многие были одеты хоть и строго, но нарядно – видимо, так, как их и похоронили. И все же таких было меньшинство. По большей части на людях была обычная, повседневная одежда, а несколько человек были даже совершенно голыми. У себя в карманах Чет не нашел ни единой монетки, только старую зажигалку. Он крепче сжал набитый медяками мешочек, испытав внезапный прилив благодарности к Сеною.

Двое стражников подняли копыя и помахали нескольким душам, чтобы те проходили. Когда никто не двинулся с места, стражники потащили их силой, держа оружие наготове; другие стражники обшарили им карманы, спрашивая, чем они могут заплатить.

– Нет! – вскрикнула какая-то женщина. – Это же мое обручальное кольцо.

Тем явно было плевать; они забрали кольцо и продолжили копаться у нее под юбкой, потом разорвали блузку, без всякого стеснения шаря повсюду своими серыми руками.

Она расплакалась.

– Побереги слезы, женщина, – сказал один из стражников, толкая ее к лестнице. – Они тебе еще пригодятся.

Спотыкаясь, она побрела вверх по лестнице, стискивая на груди разорванную блузку. Вид у нее был совершенно потерянный. Стражники обшарили еще одного человека, потом еще одного, забирая все, что им приходилось по вкусу, а потом отсылали каждого вверх по лестнице.

«*Нож я потерять не могу*», – подумал Чет, озираясь в поисках другого пути с причала. Безуспешно – вокруг были только черные гладкие стены, исчезавшие в клубящемся наверху тумане.

– У этого – ничего, – крикнул стражник, оттащивая в сторону голого мужчину.

Дирк кивнул в сторону колоды, стоявшей у самой стены. Рядом с колодой стоял человек, и в руке у него был здоровенный тесак. Когда голый это заметил, он начал упираться.

– *Нет!* – закричал он.

– Нет? – переспросил, подходя, Дирк. – Ты должен заплатить. Все платят. Нет медяка – с тебя фунт плоти. А теперь – дело за тобой: плоть или река?

Но мужчина все только тряс головой.

Дирк кивнул, и стражники дернули его вперед. Тесак взмыл вверх, опустился, начисто перерубив мужчине запястье. Чет дернулся, думая, что вот сейчас увидит кровь, услышит кошмарный крик. Но крови не было, и криков тоже. Лицо голого мужчины исказила боль, но только на мгновение. Вид у него был скорее удивленный, чем страдальческий. Стражники отпустили его, и он просто остался стоять, не двигаясь, баюкая культю.

У стены громоздилось несколько корзин; большинство были пустыми, но в других лежали куртки, ботинки, сапоги и перчатки. Стражник швырнул отрубленную руку в корзину с перчатками, и тут только до Чета дошло, что это были не перчатки. *Твою мать.*

Стражники подтолкнули мужчину к лестнице, и он, ни слова не говоря, побрел вверх по лестнице, спотыкаясь и сжимая запястье. По толпе прокатился, набирая силу, тревожный шепот.

– А ну, тихо! – проорал Дирк. – Даром ничего не бывает. Ни в жизни... Ни в смерти. Вы пересекли реку, и теперь пора платить. Меди нет, золота нет – с тебя фунт плоти. Таков закон.

Чета зажало в толпе; он вдруг понял, что вот-вот настанет его очередь. Ясно было, что нужно что-то придумать, и быстро, или он потеряет нож. Чет задумался, не попытаться ли спрятать оружие в сапоге.

– Ну, уж нет! – раздался женский крик. Это была Ана.

– Мадам, – сказал Дирк, протягивая руку к одному из младенцев. – Сделайте им одолжение. Сделайте одолжение всем нам. Пусть их заберет река. Это избавит вас, их, всех от кучи хлопот.

– А ну, убрал руки! – ответила Ана и, не выпуская младенцев из рук, сделала шаг назад.

– Мадам, успокойтесь. Ваши маргтышки здесь никому не нужны. Я просто пытаюсь сказать вам, что река – это наилучший выход.

Она потрясла головой.

Он пожал плечами.

– Вам, конечно, решать, но заплатить придется... За себя и за них. Бесплатно не проходит никто. – Он протянул руку.

Она посмотрела на его раскрытую ладонь.

– У вас есть монетка? Пенни? Золото?

Ана ничего не ответила.

– Тогда, значит, это будет стоить фунт плоти. По фунту за каждого из...

Ана сорвалась с места. Просто кинулась вперед, поднырнув под руку здоровенному Дирку, и бросилась к лестнице, сжимая под мышками детей.

Стражники бросились за ней; один зацепил ее за руку крюком, дернул, сбил с ног. Второй схватился за ребенка, пытаясь вырвать его у нее из рук. Она не отпустила, и он со всей силы вогнал ей под ребра сапог. У Аны вырвался крик, но ребенка она так и не выпустила, крича и отбиваясь ногами.

– *Прекратите!* – закричал Чет, проталкиваясь сквозь толпу. – *Я могу за них заплатить!* – Из-за криков и общей суматохи его никто не услышал. – Да уходите же с дороги, – прорычал он, пытаясь не обронить в сутолоке ребенка.

Стражник ударил Ану палицей, вогнав ей шипы в живот. Она страшно закричала.

– *Прекратите!* – крикнул Чет, бросаясь вперед. Другой стражник ударил его по затылку, и Чет упал, сильно ударившись о булыжник и выпустив ребенка из рук. Мальчик перекатился несколько раз, остановившись у самого края реки. Замахал ручками и ножками, попытался сесть, оказавшись в результате еще ближе к воде. Чет на четвереньках бросился за ним, и тут что-то ударило его в спину. Взглянув вниз, он обнаружил, что из груди у него торчит наконецник копья. Ловя воздух ртом, Чет закашлялся и попытался встать.

– А ну, лежать! – заорал стражник, и навалился на копье, прищипив Чета к булыжнику. Чет сжал острие, застонав сквозь стиснутые зубы. Боль холодным огнем пылала у него в груди.

– Бросьте его в гребаную реку, – сказал Дирк.

Стражник рывком высвободил копье, и Чет ахнул, когда его пронзила новая волна боли. Он кашлял, не в силах остановиться, скорчившись от боли. В груди у него зияла огромная рана, и он мельком подивился, что до сих пор жив – что бы это ни значило здесь, внизу. Двое стражников вздернули его на ноги, и у него с плеча сорвался мешок, со звоном шлепнувшись на булыжник.

– Погодите-ка, – сказал Дирк, нагибаясь, чтобы поднять мешок. Здоровяк распустил завязки и извлек из мешка нож, с любопытством оглядев рукоять. Выдвинул из ножен клинок, и на его лице вспыхнуло удивление. Он нахмурился; удивление сменилось озабоченным выражением, а потом – чем-то, смахивающим на страх. – Как... – Он быстро сунул нож обратно в мешок, захлопнул клапан и крепко стянул завязки. Потом обратился на Чета холодный, подозрительный взгляд. – Откуда у тебя это?

Чет не ответил, он просто не мог – боль захватила его целиком.

– Кто тебя послал? – спросил Дирк.

Чет мог только помотать головой.

Дирк с размаху всадил свой огромный кулак Чету в грудь, прямо в рану, так, что тот с размаху грохнулся на камни. От боли потемнело в глазах.

– Я тут не в игрушки играю. Кто тебя послал?

– Я... я... – начал Чет, пытаясь вытолкнуть слова наружу, но тут его одолел новый приступ неистового кашля.

Дирк сощурился на него.

– Да кто ты, на хрен, такой?

К этому времени орали уже все трое младенцев, и их вопли эхом разносились по всей пристани.

Дирк сунул мешок за пояс, подошел, схватил за ножку младенца – это был тот, которого нес Чет – и поднял его, раскачивая, над водой.

– *Нет!* – заорала Ана.

Чет схватился за грудь, попытался встать.

– Скажи, кто тебя послал, а не то этот щенок отправится поплавать.

– Ангел... Меня послал сюда ан...

– *Это что еще за безобразия?* – раздался окрик откуда-то сверху, с лестницы.

По ступенькам спускались три женщины. На них были черные то ли плащи, то ли рясы с капюшонами, скрывающими лица. Спустившись, они направились к Дирку. Ветер раздул плащи у них за спиной, и Чет заметил, что у каждой на поясе висело по мечу.

Та, что шла впереди, отбросила капюшон, открыв бледное, узкое лицо с темными глазами. Быстрыми, резкими движениями и манерой ходить, по-птичьи подавшись вперед, она напомнила Чету ворона, ищущего добычи. Когда она приблизилась, Чет заметил, что в середине лба у нее был черный сверкающий камень. Хмурым взглядом она обвела открывшуюся ей сцену. Когда она заметила ребенка, болтающегося в руке у Дирка, камень у нее во лбу вспыхнул алым.

– Вот хрен, – проворчал Дирк, опуская ребенка. – Только этого дерьма мне и не хватало.

Женщина подлетела к здоровяку – худая фигурка, казалось, была раза в два меньше Дирка – и протянула руки. Она ждала.

Дирк испустил глубокий вздох и положил вопящего ребенка ей на руки.

Две другие женщины подошли к Ане, расталкивая стражников. Те, огрызаясь, отступали, но прямо бросить женщинам вызов явно опасались.

Женщина с камнем во лбу шепнула что-то ребенку и тот, перестав орать, поглядел на нее так, будто она была его мамой. Она кивнула одной из спутниц и та подошла, чтобы взять у нее ребенка.

Потом она посмотрела на Дирка.

– Глаз радуется, видя, как ты, Мэри, сеешь всюду добро, – сказал здоровяк.

– Будь на то моя воля, – сказала Мэри, – я бы расправилась с тобой здесь и сейчас, не сходя с места.

– Значит, мне повезло, – ответил он, бледно улыбаясь, – что это *не* в твоей воле.

– Нарушение закона влечет за собой последствия.

– Я никаких законов не нарушал, – сказал Дирк. – Те, кто пересек реку, должны платить.

– Те, кто несут с собой детей, вольны проходить свободно, – резко возразила она. – Всегда так было.

Дирк пожал плечами.

– Ты позоришь Харона.

– Ой, только не надо проповедей. Теперь этот пост держат Защитники, – сказал Дирк. – И мы не подчиняемся несправедливым законам, которые выдумали мертвецы да никому не нужные боги. А теперь забирай-ка своих драгоценных младенцев да убирайся, пока я не забыл о вежливости и не случилось чего несимпатичного.

Казалось, она вот-вот его ударит.

– В последний раз, когда я ее видела, Алая Леди была вполне жива и полна ярости. Ты, правда, хочешь и дальше испытывать ее терпение?

Дирк заглянул ей в глаза.

– Старые порядки умирают вместе со старыми богами. – Его тон переменялся; всякий вызов исчез, осталось только нечто, очень похожее на искренность. – Вот и все. Ты знаешь, это правда. Все мы должны делать то, что должно быть сделано.

– Настало время выбирать сторону, ты, жаба. Смотри не ошибись, потому что воры и отморожки, сколько бы они ни прятались за красивыми лозунгами, будут гореть первыми. – Отвернувшись, она шагнула к Чету. – Стоять можешь?

Тут Чет вдруг понял, что боль медленно уходит – его тело и вправду стало другим. Он поднялся с земли, перекатившись на колени, и на секунду замер: боль становилась все тише. Мэри подхватила его под руку, помогая встать. Чет слегка пошатнулся, взглянул на рану у себя в груди и в очередной раз попытался понять, как это может быть, что он еще жив.

– Со временем заживет, – сказала она, ведя его под руку к другим женщинам.

Дирк преградил им дорогу.

– Женщина и дети. Они могут идти. Но этот человек останется здесь. У нас с ним осталось кое-какое дельце.

– А я скажу, что с делами покончено, – ответила Мэри не терпящим возражений тоном.

– Не вынуждай меня, – сказал Дирк, жестко, почти отчаянно. – Он никуда не пойдет. – Он кивнул стражникам, и те перехватили оружие поудобнее. Дирк коснулся рукояти пистолета у себя за поясом. – Мэри, просто забирай младенцев и уходи, и у нас у всех будет шанс увидеть следующий день.

– Мы здесь больше не одни, – сказала она, кивнув в сторону лестницы.

На верхних ступеньках стояло существо, напоминающее крупного хищника из породы кошачьих, с гладким алым мехом и огромными крыльями, на которых топорщились перья. Вот только это был не тигр, и не лев – во всяком случае, не выше плеч – у существа была шея и голова женщины. «*Да это же...* – слово вертелось у Чета на языке, – *сфинкс*», – вспомнил он.

Сфинкс стояла неподвижно, как статуя, вдвое превосходя ростом любую из душ. Взгляд ее зеленых глаз был устремлен на Дирка, и хвост все быстрее ходил из стороны в сторону.

Дирк открыл было рот и попытался что-то сказать, но из горла у него вырвался только хрип. Стражники все опустили оружие и отступили подальше от женщин.

Дирк убрал от пистолета руку. Он тоже сделал шаг назад, потом другой, натолкнулся на Чета, не замечая ничего, кроме пронизывающего взгляда сфинкса.

Чет воспользовался этой возможностью и потихоньку вытащил мешочек Сеноя у Дирка из-за пояса. И быстро отступил.

Дирк прикоснулся к поясу – рассеянно, медленно. Нахмурившись, опустил взгляд, заметил, что мешочек исчез, и тут увидел Чета, который быстро шагал прочь.

– Эй! – Он шагнул было вслед за сбежавшей жертвой.

Низкий рык разнесся над пристанью. Несмотря на туман, глотавший звуки, рык сотрясал воздух, пробирая до самых костей.

Дирк замер.

– Давайте, идите прямо сейчас, – сказала Мэри, обращаясь к оставшимся на пристани душам. Те заколебались было, глядя на сфинкса, но тут кто-то один решился, за ним последовало еще несколько человек, а потом и все остальные, торопясь, миновали Дирка и его людей.

Мэри напоследок окинула Дирка мрачным взглядом.

– Следи за собой, жаба. Гнев Алой Леди неотвратим. – Она резко развернулась, плеснув плащом, и направилась вверх по лестнице. Остальные женщины последовали за ней, увлекая за собой Ану с детишками. Чет направился следом.

– Эй, – прошипел Дирк.

Чет оглянулся.

– Оставь мешок или пожалеешь.

Глава 12

Чет продолжал идти, не останавливаясь, и быстро нагнал остальных.

Только добравшись до верха лестницы, он остановился и осмотрел рану. Кожа вокруг отверстия стала какой-то сухой и серой, из раны медленно сочилась темная жидкость. В груди до сих пор пульсировала боль, но с каждой секундой становилось легче. Чет прикоснулся к ране; на ощупь было скорее похоже на глину, чем на плоть. Это заставило его задуматься, из чего теперь, собственно, состояло его тело. В глубине раны он заметил что-то белое, должно быть, кость, одно из ребер. Он поморщился. *Я все еще хожу. Это уже кое-что.*

Женщины собрались вокруг сфинкса на дальней стороне широкой площади. Чет тоже подошел – существо просто завораживало его. Она была одновременно прекрасна и ужасна – в равной степени. Ее черты, пусть и человеческие, все же сильно напоминали кошачьи; это было лицо одновременно яростное и величественное. Лицо обрамляли две толстые косы, но сзади волосы гривой падали на плечи, струились по спине. Два больших рога закручивались по сторонам причудливой медной диадемы с изогнутыми зубцами. На груди лежало сложное, в несколько слоев, ожерелье из шипастых медных пластин. Казалось, сфинкс была совершенно равнодушна к тому, что происходило вокруг; ее изумрудные глаза были устремлены вдаль, куда-то вниз по течению. Чет проследил за ее взглядом, но не увидел ничего, кроме смутных очертаний доков и полуразвалившихся хижин.

Несколько блеклых, будто вылинявших душ прошаркали мимо по вымощенной булыжником улочке, явно стараясь держаться подальше от сфинкса. Чет колебался, не зная, стоит ли подходить. Мэри заметила его, поманила; впервые он в полной мере – почти физически – ощутил на себе тяжесть ее пристального, изучающего взгляда. Камень у нее во лбу коротко вспыхнул.

– Как тебя зовут?

– Чет.

– Чет, – медленно произнесла она, словно пробуя имя на вкус. Лицо у нее немного смягчилось, и камень во лбу блеснул бледно-зеленым. – Это было храбро. То, что сделали вы с Аной.

Чет пожал плечами.

– Это непросто, – добавила Мэри. – Добраться сюда. Трудная задача сама по себе, без того, чтобы брать на себя еще и чужое бремя.

– Я – Мэри. – Она прикоснулась ко лбу. – А это – сестра Элейн и сестра Нора. А это, – она повела рукой в сторону сфинкса, – Сехмет, Глаз Ра, страж богов. Также известная многим как Алая Леди.

Сфинкс никак не отреагировала; она все так же напряженно вглядывалась вдаль.

Зашуршали, приближаясь, колеса. Из тумана показались еще женщины в черных плащах; за собой они тянули телегу, на которой стояла деревянная клетка. Одна из них подбежала к ним, опередив спутниц, и, с трудом переведя дыхание, спросила:

– Мы успели?

Смахнув с лица пряди черных волос, она заправила их обратно под шапку. При виде троих детишек у нее вспыхнули глаза, лицо осветила облегченная улыбка.

– Спасибо тебе, Господи, мы услышали их вовремя.

– Ты лучше скажи «спасибо» Чету и Ане, – сказала Мэри, представив им женщину, Изабель.

– Что, опять Дирк?

Мэри кивнула.

Изабель плюнула на землю.

– Он что, считает, что мы дуры? Что не видим его насквозь?

– Думаю, ему плевать.

– Мы не можем это так оставить, – сказала Изабель.

– Никаких законов он не нарушал, – ответила Мэри. Ее явно бесило собственное бессилие.

– Нарушал, если он детей в реку швыряет.

– Нет закона, который бы это запрещал. Кроме обычной человечности.

Прищурившись, Изабель взглядела в туман, на другую сторону площади:

– Это *он!* Тот тип, который шел за нами.

Фигура в плаще и широкополой шляпе стояла, опершись о стену у вершины лестницы, ведущей к пристани. Глаза человек прятал под шляпой.

– И правда, – отозвалась Мэри.

– Еще один гребаный шпик. – Изабель сплюнула. – Эти «зеленые» теперь просто повсюду.

На верху лестницы появился Дирк в сопровождении нескольких стражников, подошел к человеку в шляпе, начал с ним о чем-то совещаться.

Изабель откинула плащ, взялась за рукоять своего длинного меча.

– И чего мы ждем? Отправим-ка всю компанию искупаться – прямо сейчас.

Мэри бросила взгляд на Алуя Леди, но выражение лица у той по-прежнему было каменное.

– Не сегодня, – ответила она.

– А когда? – спросила Изабель. – Если мы будем ждать, пока не будет сожжен последний храм, не изгнан последний бог, будет слишком поздно.

– Не сегодня, – повторила Мэри.

Изабель прикусила губу: она явно сдерживалась, чтобы не сказать лишнего.

Подошли женщины, тащившие телегу. Сначала Чету показалось, что клетка набита одеялами, но потом он заметил, что некоторые одеяла шевелятся, и понял, что это были спеленатые детишки: одни спали, другие тихо наблюдали за бредущими мимо душами.

Младенец на руках у Аны начал хныкать, а потом и орать.

– Можно? – спросила Мэри. – Давайте мне.

Ана передала ей ребенка. Мэри принялась его баюкать, что-то нашептывая; камень у нее во лбу мерцал зеленым светом. Младенец прекратил извиваться и замер, глядя на камень, а потом начал гулить. Подождав немного, Мэри подошла к телеге и посадила его вместе с другими.

– Что с ними будет? – спросила Ана.

– Мы отвезем их к Лете. Им повезло – они будут избавлены от бесконечного и бессмысленного пребывания в Эребе или, что еще хуже, от реки страданий. – Мэри печально посмотрела на детей. – Но всегда есть и другие.

– Лета? Что такое Лета?

– Ана, чего ты ищешь? К чему стремишься?

Ана помолчала.

– Ничего я не ищу.

– Все мы чего-то ищем. Потому-то мы и здесь. – Мэри кивнула в сторону остальных женщин. – Сестры собирают потерянных младенцев, помогают им попасть в лучшее место. Для многих это бескорыстное служение – способ придать смысл своему существованию... Это помогает залечить душевные раны и, что более важно, найти то, что каждой нужно.

Ана нахмурилась.

– Ана, – сказала Мэри, – Сестричеству всегда нужны храбрые сердца. Присоединяйся к нам. Искупление – это путь, которым не обязательно идти в одиночку.

– Искупление, – чуть не выплюнула Ана. – Нет для меня искупления!
– Ты не первая, кто это говорит, – возразила Мэри. – Как распробуешь здешнюю жизнь, освоишься... Если не найдешь того, к чему сердце лежит, приходи к нам.

Чет прочистил горло.

– Можно кое-что спросить?

Мэри повернулась к нему.

– Черт, глупо, наверное, спрашивать... Но, может, вы все-таки слышали о человеке по имени Гэвин Моран? – Чет замолчал, вглядываясь ей в лицо, надеясь, вопреки всему, на положительный ответ.

Мэри только улыбнулась.

– В Чистилище много душ, Чет.

Чет вздохнул:

– Так я и думал.

– Он – твой отец?

– Дед.

– Если твой дед действительно здесь, в Чистилище, тебе просто нужно найти Бладсикера, Ищущего по крови... Кроведуна.

– Кроведуна?

– Настоящего кроведуна, или кроведуню, не из той швали, что околачивается на набережной. Эти теперь все на «зеленых» работают. Разведут тебя на все, что можно, а в ответ получишь только ложь.

– Да, иди в Старый город, – вступила в разговор Изабель. – «Зеленые» там не имеют такой власти. По крайней мере, пока. Кое-кто из древних еще там, и они приглядывают за городом. Это недалеко. На вершине Лобного места, некоторые еще зовут этот холм Голгофой, или Крестами. Просто иди вверх по этой улице, пока не дойдешь до главной площади. Лобное место оттуда видно, только бы туман был не слишком густым. Увидишь склон холма, сплошь покрытый крестами. Такое место здесь есть в каждой занюханной деревушке. Души, которые пытаются уладить дела с Иисусом, творят с собой кошмарные вещи. Им, наверное, забыли сказать, что короткой дорожки к искуплению не существует.

Мэри кивнула:

– Как доберешься до Лобного места, ищи арку с вбронами наверху. Тебе под арку, а дальше иди по знакам: глаз с красной слезой. – Подступив поближе, она понизила голос: – И, Чет, прячь свою метку хорошенько.

Чет застыл; его рука непроизвольно сжалась.

– Большинству твою метку не разглядеть. – Она прикоснулась к камню во лбу. – Но у меня – свой способ видеть. Это мой дар, иногда – проклятье: видеть, что у человека внутри. Просто знай – всегда будут такие, кто заметит, и кто захочет променять твою голову на награду.

– Награду?

– Приспешники Люцифера неплохо платят за проклятые души. И хотя торговать с демонами запрещено, даже разговаривать с ними нельзя, всегда найдутся такие – как ты уже видел, – кому мало дела до эдиктов подземного царства.

Чет глянул в сторону бредущих мимо душ. Ему вдруг показалось, что все они, до единого, смотрят на него, наблюдают за ним, видят его метку.

– Безопаснее всего в городах, – сказала Мэри. – Демонам в них хода нет, но охотники за душами – они могут быть где угодно. Самое надежное – найти свой род, семью, твоего деда. Свои всегда помогают своим. Кровь – не вода.

«Если бы только это было правдой», – горько подумал Чет.

Ребенок, один из тех, что были в тележке, встал на ножки и, уцепившись за решетку, потянулся к Ане.

– Такое ощущение, что Бог их проглядел, – сказала Ана.

Мэри вздохнула.

– Да, но какой бог? Пока живешь, надеешься, что в посмертном существовании будет хоть какой-то порядок. Смерть – это хаос и безумие: за душу умершего борются сотни богов. Разумные принципы, здравый смысл, справедливость... Про все это можешь просто забыть.

Откуда-то снизу, со стороны берега, раздался крик, похожий на детский. Алая Леди обратила взгляд в том направлении и решительно двинулась прочь.

Изабель и остальные последовали за ней. Мэри задержалась на секунду, и, сжав Ане руку, сказала:

– Ана, когда будешь готова, разыщи нас. – И, отпустив ее, быстро зашагала следом за остальными.

Глава 13

Чет проводил взглядом женщин в плащах, а когда те исчезли в тумане, глянул назад, в сторону лестницы. Дирк и человек в широкополой шляпе все так же наблюдали за ним.

– Надо нам отсюда выбираться, – сказал Чет.

Проследив за его взглядом, Ана кивнула. Они направились в сторону города.

– Хочешь попробовать найти одного из этих, кроведунов? – спросила Ана.

– Да, думаю, да. А ты? Думаешь, у тебя есть родня тут, внизу?

– Господи, надеюсь, что нет.

– Может, стоит, по крайней мере, проверить.

– Родные плюнули бы мне прямо в лицо... И были бы правы.

Он кинул быстрый взгляд в ее сторону. Губы женщины были плотно сжаты, взгляд – мрачен. Для расспросов момент был явно не подходящий.

– Когда я это сделала, – сказала она. – Когда проглотила все эти таблетки... Думала, я уйду. – Она помотала головой. – Откуда мне было знать, что после будет все это... Ну, знаешь... Все это дерьмо. Думала, смерть – это конец. А продолжение, гребись оно конем, все следует да следует.

Они молча шли дальше, поглядывая на бредущие мимо души; у всех, кто попадался им навстречу, был какой-то подавленный, несчастный вид. Чет все посматривал назад, думая увидеть Дирка и человека в шляпе, следующих за ними по пятам, но их не было и в помине.

– Эй, – сказал кто-то, похлопав Чета по плечу, и он обернулся. Перед ним стоял какой-то подросток. Чет не сразу его узнал: это был тот паралитик с парома, то есть, он был паралитиком до того, как они все переменились. Парнишка зашагал с ними рядом:

– Слушай, а какая она?

Чет недоумевающе посмотрел на него.

– Ну, женщина-лев. Сфинкс. Блин, поверить не могу, вы так близко к ней подошли. Подумать только, она же настоящая, ну, как и мы. Прямо никак не могу в это все поверить. Знаете, все думаю, вот-вот проснусь. Здесь так круто!

Чет и Ана посмотрели на него так, будто он выжил из ума.

– Эй, я не псих. – Парень рассмеялся. – Просто я свободен! Свободен от этой коляски. – Он метнулся в сторону, вспрыгнул на валун, и сразу же обратно – к ним, как щенок.

– Бли-ин, как же это здорово – двигаться!

– Да что с тобой? – спросила Ана.

– Со мной?

– Ты что, не понимаешь, что ты умер? Что все мы умерли? Что это место – отстой?

Парнишка повертел головой.

– Не знаю. Все это, конечно, поразительно и ужасно, но и... ужасно интересно тоже. Ну, вы понимаете.

– Так ты в инвалидной коляске был? – спросил Чет.

Тот кивнул.

– Пятнадцать лет. У меня паралич был, квадриплегия. Это было похуже, чем здесь... То есть, уж лучше здесь, чем в той коляске, – понизив голос, добавил он, будто про себя. – Где угодно лучше, чем в коляске.

Чет лишь надеялся, что парню удастся сохранить этот свой настрой даже тогда, когда это место проберет его, наконец, до костей.

– Эй, кстати, меня Джонни зовут, – парнишка протянул руку.

Чет пожал ее.

– Я – Чет, а это – Ана.

– Чувак, – сказал Джонни. – Я уж думал, тебе капец, там, на пристани. Ну, когда он тебя копьем пырнул. Но ты вроде нормально себя чувствуешь, даже с этой дырищей в груди. Жаль, нельзя сказать того же о бедняге, которому раскололи череп. Интересно, кстати, что тут происходит с *мертвыми* мертвыми?

– Наверное, отправляются куда-нибудь в еще более дерьмовое место, – сказала Ана.

Дорога становилась все более людной: души разных рас деловито спешили в разных направлениях; многие были босиком, кое-кто – и вовсе нагишом, у нескольких не доставало рук. Большинство двигалось по направлению к городу.

Они довольно быстро начали отличать новопривывшие души от тех, кто был здесь уже какое-то время. Лица, глаза, волосы у старожиллов были выцветшими, серыми, будто старая древесина, – они словно бы сливались, становились единым целым с землей и пыльными камнями у себя под ногами. Одежду здесь носили самую разнообразную, от лохмотьев до роскошных облачений, всех стилей и всех эпох, от современной до библейской. Рогатые шлемы и цилиндры, тюрбаны и бейсболки, сандалии, кеды, армейские сапоги, джинсы, военная форма, робы, туники и плащи: все возможные варианты и комбинации. Но даже самые роскошные одеяния казались какими-то выцветшими.

Помимо одежды, старожиллов выделяла манера держаться: они спешили по своим делам с целеустремленным видом; ошеломленные, путающиеся под ногами новички вызывали у них явное раздражение. Довольно многие имели при себе оружие: мечи, ножи, копья, палицы. Кое-кто даже щеголял кольчугами или частями доспехов.

Палатки и глинобитные хибарки уступили место строениям повыше: двух- и трехэтажным зданиям, сложенным из камня, явно заброшенным. Осыпающиеся фасады, пустые, темные окна, обвалившиеся крыши. Стены заброшенных зданий пестрели граффити, сделанными углем и мелом: имена, лозунги, цитаты. Снова и снова попадались надписи: «БОГОВ НЕ КОРМИТЬ» и «СВОБОДА», крупно выведенные красным.

Перед зданиями начали появляться ларьки и прилавки. Чет подошел к одному из них, взглянуть, что там продавалось: прямо на стене была вывешена потрепанная одежда, башмаки и пара сомнительного вида палиц. Продавец не потрудился даже поднять на него глаза – он продолжал все так же пялиться в землю.

Они двинулись дальше, и вскоре вышли на огромную круглой формы площадь, вымощенную большими каменными плитами. На площади царило настоящее столпотворение: там были сотни душ, телег и крытых фургонов, пересекавших пространство во всех направлениях или занимающихся своими делами. Попадались и патрули «зеленых». В центре площади лежала громадная поверженная статуя, окруженная разбитыми на куски скульптурами поменьше – танцующими фигурами в человеческий рост. Центральная фигура лежала на боку – голова отломилась от шеи, искаженное лицо андрогина, рот открыт, будто в неистовом крике, глаза выбиты. Кто-то набил рот статуи руками и ногами разбитых танцоров.

– Какой, наверное, был когда-то вид, – сказал Джонни. – Если прикинуть, эта штука была футов двести высотой.

Чет заметил столб с указателями, торчащий рядом с гигантской головой. Он двинулся было вперед, но остановился, пропуская грохотававший мимо фургон, который тянула за собой упряжка из шести душ. Кожа у них вся бугрилась от шрамов и ран; глаза были выколоты. Сидевший на крыше фургона карлик правил ими с помощью вожжей и кнута. Двое стражников в зеленых куртках сидели рядом с карликом, сжимая в руках что-то вроде мушкетов. Фургон был битком набит отрубленными ногами, руками и кистями.

– Ну, что ты думаешь теперь, Джонни? – спросила Ана. – Это тебе тоже «ужасно интересно»?

Джонни не ответил; он глядел вслед фургону.

Пробираясь в толпе, Чет с Анной подошли, наконец, к подножию статуи. Через секунду их догнал Джонни, схватив Чета за руку:

– Осторожней! – Он указал вниз, на разбитую статую, на которую Чет только что наступил. У статуи были отбиты обе ноги, рука и часть туловища. Она открыла глаза, открыла рот. Ни слова, ни звука. Только пустой взгляд.

Чет отступил и по-настоящему пригляделся к статуям; до него вдруг дошло, что многие из них были совсем не статуи, а души – разбитые, искореженные души, серые, как камень – они лежали совершенно неподвижно и скучно глядели перед собой немигающими глазами.

Втроем они подошли к голове великана. Кто-то облил красной краской свисающие из огромного рта руки и ноги, а на щеке все той же краской написал: «БОГОВ НЕ КОРМИТЬ».

– Как ты думаешь, что это значит? – спросил Джонни.

– Думаю, ничего хорошего, – ответила Анна.

Чет переключил внимание на указатель. Столбик был увенчан потрепанным щитом с надписью: «ГОРОД СТИГА». Под щитом были направленные в разные стороны указатели в форме стрелок: «Река Стикс», «Караваны», «Храм Леты», «Лобное место», «Старый город», «Прибрежная дорога». Но Чет все не мог оторвать взгляд от черной стрелки, висевшей под всеми прочими и указывающей в направлении, откуда они пришли, вниз по течению реки. Две красные буквы складывались в слово «АД». Чет подавил дрожь; его поразило, какую власть имели над ним теперь эти две буквы.

Глянул туда, куда указывал знак, зная: пойдя он этим путем, Ад *предъявит* на него свои права. Там действительно будут демоны, существа из худших его кошмаров, которые только и ждут, чтобы подвергнуть его пыткам, терзать его, рвать его плоть зубами, жечь и сдирать мясо с его костей – снова и снова. Он вдруг понял, что изо всех сил сжимает одну руку другой, пытаясь спрятать клеймо.

– Лобное место – это, должно быть, туда, – сказала Анна, указывая вдоль главной улицы.

Чет кивнул. Вдали еле заметно проступали сквозь туман очертания холма.

– А что там? – спросил Джонни.

– Вроде как там есть кто-то, кто может помочь тебе найти родных, – сказал Чет. – Их называют кроведунами.

– Кроведуны, – сказал Джонни, потом повторил слово еще раз, будто ему понравилось, как оно звучит. – Знаете, а это может быть интересно. – Он перевел взгляд на Анну. – Вроде квеста. – Он рассмеялся. – Квест «Бладсикеры Стиги». Звучит как реальное приключение. Я в игре.

– Квест? – сказала Анна. – Ну что должно произойти, чтобы ты понял – это не какое-то приключение из твоих книжек со сказками.

– Знаете что? – Он хитро улыбнулся. – Питер Пэн однажды сказал: «Смерть – это огромное приключение». Это мой девиз.

Глава 14

Ларри Вагнер, известный в окрестностях Джаспера, Алабама, попросту как «Тренер», брел по главной улице города Стига по направлению к Лобному месту. Куда он идет, он не знал, и ему было плевать. Он просто тащился в потоке других бесцельно шатающихся душ, то и дело попадая в глубокие колеи, выбитые в камне мостовой, и пытался подсчитать, сколько же миллионов ног и сколько миллионов лет должно было тут пройти, чтобы в камне появились вот такие канавы.

Улица стала уже, и сдавленная стенами толпа замедлила ход. Вдоль стен выстроились многочисленные прилавки, и в монотонное шарканье сотен ног вплелись крики зазывал.

Вдалеке послышался гром, и мимо его лица проплыла снежинка, одна, другая... «Идет снег», – подумал Тренер. Туман немного развеялся, и стали видны темные, плотные тучи, нависшие над их головами. Он поймал снежинку, и понял, что это никакая не снежинка, а пепел. Повсюду летали хлопья пепла, кружились вдоль по улице, оседали сугробами в канавах, у стен.

Тренер поглядел на руки, на свою бледную, серую плоть. *Я мертв... Черт, мертв.* Он потряс головой, все еще пытаясь понять, каким образом так получилось, что в одну секунду он собирался приятно провести денек на рыбалке, а в следующую – уже пялился на свою собственную расколотую голову. *И на этого подонка Чета, ублюдка мелкого, как он спокойно себе уезжает прочь.* В этот момент Тренеру больше всего хотелось наложить на Чета свои холодные, мертвые руки. Он стиснул кулаки. События той ночи беспрерывно крутились у него в голове. С ним так уже бывало: картинки его школьной юности, когда он играл в футбол, вот так же неотвязно вертелись в мозгу – тот день, когда сам Биер явился в школу набирать игроков, тот злосчастный пас, мяч летит прямо ему в руки², бьет его в живот и отскакивает, просто улетает куда-то в сторону. Сколько раз он проигрывал это у себя в голове – наверное, сотни, тысячи раз? Если бы он только поймал этот мяч. А теперь все то же самое было с этим мальчишкой, Четом. *Если бы я только двигался чуть быстрее, вернее рассчитал бы время, я бы достал этого говнюка.* Вогнал бы домкрат прямо в лобовое стекло. Тогда бы он, этот мальчишка, валялся с расколотой головой, он топал бы сейчас в этом аду. Не я. Не я!

Чья-то рука скользнула вокруг его талии, и он вздрогнул.

– Не бойся, – хрипло проворковал чей-то голос. – Я пришла, чтобы тебе помочь.

Рядом с ним шагала незнакомая женщина, закутанная во множество шалей, вроде цыганских. Пахло от нее благовониями. Она окинула его зазывным взглядом.

– Я – Маделайна, королева кроведуний. Позволь мне помочь тебе, позволь найти то, что ты ищешь.

Она потянула его за собой, пытаясь увлечь к маленькой клетчатой палатке под вывеской в виде глаза с красной слезой. Рядом с палаткой стоял высокий мясистый тип в зеленой куртке, который пристально за ними наблюдал. Тренеру не понравился кричащий макияж женщины и дурацкий глаз, грубо намалеванный у нее на лбу. Но главное, ему совершенно не улыбалось иметь дело с человеком в зеленом – после всего, что ему пришлось пережить на пристани. Он отступил.

– Всего пенни, – отчаянно крикнула женщина ему вслед. – Один только пенни, и я приведу тебя домой, к тем, кого ты любишь.

Не обернувшись, Тренер побрел дальше. Он услышал музыку – у обочины стоял скрипач; печальная, завораживающая мелодия плыла вдоль по улице. Тренер прикрыл глаза; ему захотелось отдаться музыке, позволить ей подхватить себя, унести, – хоть на секунду забыть, что

² Речь, конечно, идет об американском футболе (*примеч. переводчика*).

он мертв. Кто-то тронул его за руку. Он открыл глаза; перед ним стояла маленькая, хрупкая женщина. На лбу темнел небрежный мазок алой краски; одета она была в потрепанный плащ с капюшоном, из-под которого блестели большие темные глаза.

– Мать тебя ждет.

– Оставь меня в покое, – ответил он, выдергивая руку. Ее пальцы сжались сильнее, и тут... тут он *увидел* ее, увидел мать – мельком, на мгновение.

– Мать тебя ждет, – повторила она.

– Что ты знаешь о маме? – потрясенно спросил он.

Она кивнула в сторону прилавочка, прикрытого какими-то серыми тряпками.

– Сядь, и я расскажу тебе все, что смогу.

Он колебался.

– Я на «зеленых» не работаю. Заплатишь, что сможешь. – Казалось, она говорила искренне.

Вся мелочь, которая была у него с собой, осталась на пристани в карманах «зеленых»; у него остался только латунный свисток. Он достал свисток из кармана.

– Этого достаточно, – улыбнувшись, сказала она. И направилась к прилавку.

Сделав глубокий вдох, Тренер последовал за ней.

Глава 15

Чет, Ана и Джонни шли по главной улице Стиги. Чет заметил, что в магазинчиках здесь продавалась одежда и обувь, как и на прилавках, выстроившихся вдоль прибрежной дороги. Но сами вещи явно были получше и поновее. И оружие – не только палицы, но и мечи, ножи из стали, даже кольчуги. Встречались прилавки, на которых выложены были какие-то зелья и кресты; всюду пестрели вывески: кроведуны, гадалки, проводники, сапожники, «любая работа за монету». Многие вывески Чету были совершенно непонятны: «Костяная травка», почему-то с изображением сигареты, или: «Болотные копи – пять плотяков за сорок оборотов Ока». Были и такие, которые он, к своему сожалению, понимал чересчур хорошо – «Куплю плоть». То и дело его взгляд натывался на людей в зеленых куртках, внимательно наблюдавших за всеми, кто проходил мимо.

– Поесть совершенно негде, – сказал Джонни.

– Поверить не могу, ты что, голоден? – спросила Ана.

– Нет, просто заметил. Есть что-то не хочется. А вам?

Чет и Ана помотали головами.

– В том-то и дело. Нам вообще надо есть? Или пить? Пить совершенно не хочется, но это, вон там, очень напоминает кабак. – Он указал на вывеску, висевшую над зеленой дверью: «Утопи свои печали». Тут же была намалевана бутылка с надписью «ЛЕТА». Заведение напротив тоже украшала бутылка с такой же надписью, но называлось оно без затей – просто «ЗАБУДЬ». Из дверей, шатаясь, появился мужчина с бутылкой в руке, он явно был не в себе. Он привалился к стене, а потом сполз вниз, усевшись прямо на землю. Рядом уже сидели на корточках несколько душ все с тем же мутным выражением на лицах.

– Они пьяны, – сказала Ана.

– Или под кайфом, – добавил Джонни, кивнув в сторону группки душ, теснившихся перед одним из прилавков. Они курили что-то из длинных изогнутых трубок.

Чет заметил, что многие продавцы тоже курили – либо самокрутки, либо длинные тонкие тростинки. Дым был явно не табачный; в нем присутствовал какой-то кислый, прогорклый дух, от которого щипало в носу.

Что-то врезалось Чету в ногу.

– По сторонам смотри, козлиная, – послышался резкий голос. Это был мальчишка, на вид не старше шести. Их тут крутилась целая банда, около дюжины душ, и никому нельзя было дать больше десяти. Все, как один, злобно воззрились на Чета.

– Эй... Извини, – сказал Чет.

– В задницу себя извини, хреносос, – отвечивал мальчишка.

– Ай-яй-яй, какие мы знаем слова, – сказала Ана.

Мальчик показал ей средний палец; он явно нарывался. И тут Чет заметил, что у всех детей были ножи либо заостренные палки.

– Ладно, – сказал он. – Пошли.

Они двинулись дальше, оставив позади детей с их колючими взглядам.

Повеяло благовониями, и женщина, закутанная в цыганские шали, зашагала рядом с Анной и окинула ее завораживающим и таинственным («по крайней мере, ей явно так кажется», – подумал Чет) взглядом. В сочетании с ее кричащим макияжем и намалеванным на лбу глазом эффект она производила скорее комический.

– Я – Маделайна, королева кроведуний.

Она подхватила Анну под локоток, пытаясь увлечь ее в сторону клетчатой палатки.

– Позволь, я помогу тебе найти тех, кого ты любишь.

– Те, кого я люблю, пошлют меня на хрен, – горько сказала Ана, с вызовом глядя женщине прямо в глаза.

Женщина отступила, выискивая в толпе более восприимчивую жертву.

На прилавке рядом с клетчатой палаткой был разложен небольшой арсенал. Чет у прилавка в голову, что с оружием у них троих будет больше шансов – или, по крайней мере, они будут представлять собой менее соблазнительную добычу. Он прикинул вес мешочка Сеноя, гадая, что они могут себе позволить. Шагнул к прилавку; продавец торговался с какой-то женщиной за пару ботинок. К ним подошла девушка лет двадцати, не больше – дочка продавца, судя по их одинаковым острым носам.

– Сколько палица стоит?

Девушка взяла палицу в руки.

– Прекрасная вещь. Смотрите, на шипах ни пятнышка. Четыре плотяка.

– Плотяка?

– Да ты совсем еще сырой новичок, правда? Плотяки... Ка-деньги. Смотри. – Она выудила из кармана коричневую кожаную монету и продемонстрировала Чет у. – Такие у тебя есть?

Чет потряс головой, и она немедленно потеряла к нему интерес, повернувшись к следующему покупателю.

Чет вытащил пригоршню медяков.

– А этим я могу заплатить?

Глаза у девушки расширились.

– На это... Ну, на это вы можете купить все оружие на нашей улице.

Продавец вырос будто из-под земли и локтем отодвинул девушку в сторону.

– Сэр, да не нужна вам эта старая палица. – Покопавшись под прилавком, он выудил оттуда четыре стальных меча. – Выбирайте. Шлем от себя прибавлю. Может, кольчугу?

Тут Чет заметил стражника в зеленой куртке, который быстро приближался к ним с палицей в руке.

– Сэр, – продолжал продавец. – Слушайте, а как насчет двух мечей? Два...

Стражник встал прямо за ними, перекрывая путь к бегству. Ткнул палицей в сторону Чета и Аны.

– Вы двое. Стойте, где стоите. – Он бросил взгляд вниз по улице и, сложив особым образом пальцы, пронзительно свистнул.

Чет увидел знакомого типа в широкополой шляпе, который следил за ними у пристани. Тот стоял на улице довольно далеко от них и вертел головой. Стражник свистнул опять; на этот раз «шляпа» его заметил. Тут до Чета дошло, что в толпе вокруг них находится, по меньшей мере, десяток «зеленых», все с оружием, и все смотрят прямо на них.

Ана тоже их заметила и попыталась проскользнуть мимо стражника, который преградил им дорогу. Но тот живо ткнул ее палицей в живот, сбив с ног.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился Джонни и что есть силы ударил стражника, явно застав того врасплох. Врезал ему по шее кулаком, потом два раза быстро стукнул в висок, одновременно всадив колена в живот. Стражник согнулся пополам.

Вооруженные «зеленые», крича и расталкивая толпу душ, пробирались к ним.

Чет подхватил Ану, вздернул ее на ноги и, перекинув ее руку через плечо, потащил прочь. Джонни выхватил палицу у поверженного стражника и, пнув его на прощанье в живот, последовал за ними.

На первом перекрестке Чет подался направо, потом свернул влево по переулку, – поворот, еще поворот, и вот они уже несутся по узким извилистым улочкам, разбегающимся во всех направлениях. Чет очень быстро потерял всякое понятие о том, где может быть главная улица, по которой они шли раньше. Втроем они выбежали на небольшую площадь и остановились.

– Чувствуете запах? – спросила Ана.

Все вокруг было затянуто плотной дымкой. Воздух, казалось, можно было резать ножом: он был каким-то липким и вонял жжеными покрывками. Чет огляделся. Вокруг почти никого не было, кроме нескольких серых, каких-то потрепанных душ, которые несли на себе узлы или толкали тележки. Он глянул назад, в направлении, откуда они пришли, но «зеленых» видно не было.

Окружающие начали на них поглядывать – и взгляды были мрачные, не предвещавшие ничего хорошего.

– Надо двигаться дальше, – сказала Ана.

– Вот эта улица, похоже, идет вверх, на холм, – добавил Джонни.

Они пересекли площадь и направились вверх по узенькой улочке, – сплошь склады и мастерские, – лавируя между выбоинами и горами мусора; то и дело им приходилось перескакивать через змеившийся по улице мутный, покрытый маслянистой пленкой ручеек. Решетки и трубы, торчавшие под немыслимыми углами из стен и крыш, извергали клубы пара и дыма, пятнавшего стены жирной копотью.

– Знаете, – сказал Джонни, – а ведь это была моя первая настоящая драка. Круто, когда есть возможность врезать какому-нибудь уроду. Вы просто не представляете, с каким приходится мириться дерьмом, когда прикован к коляске. Люди пьются, несут всякую тупую херню, все, что им только в голову взбредет. – Он хлопнул палицей по ладони. – Это было круто.

Из открытой двери хлынула волна жара. Чет увидел людей с почерневшей, обожженной кожей, которые били молотами по наковальне перед пылающим горном, а другие в это время раздували огромные меха, обдавая булыжники мостовой каскадами искр. В другой мастерской они увидели сложенные в штабеля кости всех форм и размеров, некоторые – просто гигантские, как у слонов или динозавров. Души-работники вращали колеса, соединенные системой ремней с циркулярной пилой, а другие проталкивали под лезвие кости, разрезая их на доски, как древесину.

Ана остановилась, указывая куда-то пальцем, но Чет уже увидел и сам: впереди на стене здания висели десятки отрубленных голов. Когда они подошли поближе, Чет увидел под головами табличку: «ВОРЫ». Он глянул в забранное решеткой узкое оконце и увидел рабочих, которые разгружали тележку с вязанками дров. Вот только вдруг он понял, что это были не дрова, а руки и ноги, даже несколько торсов, но, по большей части – кисти рук, которые лежали горами в корзинах вроде той, что он видел на пристани.

В глубине помещения, в чаду, другие рабочие рубили плоть на куски и бросали в дымящиеся, исходящие паром котлы. Чет разглядел внутри троих вооруженных мужчин в зеленых куртках, которые стояли, наблюдая за рабочими.

– Вас здесь быть не должно, – послышался голос откуда-то сверху. Чет поднял взгляд на висящие на стене головы. Большинство из них казалось высохшими, как мумии, но несколько явно наблюдали за ними.

– Что, заблудились? – спросила одна из голов, с длинными жидкими волосами и тощими усиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.